

А. П. ЧЕХОВ

*избранные
произведения*

редакция
биографический
черк
²⁴
комментарии
А. И. РОСКИНА

издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

москва

1 · 9 · 3 · 5

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава I

В ТАГАНРОГЕ

«У КАШАЛОТА ГОЛОВА БОЛЬШАЯ?»

«В моисеевском доме я «дружил» с тобой. У нас был спешенный всадник «Василий» и целая масса коробочек, похищенных из лавки. Из коробок мы устраивали целые квартиры для Васьки, возжигали свечильники и по вечерам по целым часам сидели, созерцая эти воображаемые анфилады покоев, в которых деревянному наезднику Ваське с растопыренными дугою ногами отводилось первое место. Ты был мыслителем в то время и, вероятно, рассуждал на тему «у кашалота голова большая?»

Я был в то время во втором классе гимназии. Помню это потому, что однажды, «дружа» с тобою, я долго и тоскливо, глядя на твои игрушки, обдумывал вопрос о том, как бы мне избежать порки за полученную единицу...

Затем я раздружился с тобою. Ты долго и много, сидя на сундучке, ревел, прося: «дружи со мною!», но я остался непреклонен и счел дружбу с тобою делом низким...

Далее протекли годы... Припоминаю тебя в приготовительном классе, помню, как мы с тобою оставались хозяевами отцовской лавки, когда он уезжал в Москву...

Мое влияние, как старшего по принципу, стало исчезать... Для того, чтобы снова покорить тебя себе, я огрел тебя жестянкою по голове. Ты, вероятно, помнишь это. Ты ушел

из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через час ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера¹ и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся, и — сам не знаю почему — заплакал...

Мальчик, думавший о том, большая ли голова у кашалота, — Антон Чехов. А огрел его жестянкой по голове старший брат Александр, который однажды в письме к Антону Павловичу вспомнил о далеких годах детства.

Жили в те времена Чеховы в Таганроге.

Вдоль улиц тянулись ряды белых домиков. Зеленые их ставни были всегда закрыты, домики казались вымершими. По мостовым бродили свиньи.

На обрывистом берегу моря стояли ржавые пушки. В гавани грузчики лениво выгружали с греческих парусников и турецких фелюг боченки с лампадным маслом и ящики с царьградскими рожками.

Когда-то панорама таганрогской гавани была знакома морякам всего мира. В Таганрог плыли корабли из Италии и Испании, Англии и Египта. Они везли пряности и вино, возвращались назад нагруженные тяжелым зерном с Украины.

¹ Фатер (немек.) — отец.

Дом в Таганроге, где родился А. П. Чехов.

Обширная торговля с границей привлекала в Таганрог иностранных купцов, искателей приключений и контрабандистов. Тайные подземные ходы вели к складам контрабандных товаров.

Хлебные конторы большей частью принадлежали грекам и итальянцам. Многие из них были потомками древних завоевателей и морских пиратов. Богатства наживались с непостижимой быстротой. В списке крупнейших богачей Европы одним из первых числился грек Марк Вальяно, таганрогский житель.

Тонкая лепка украшала фасады особняков, в которых жили богатые иностранные купцы. Для них выпивалась в Таганрог оперная труппа из Италии.

В тесном театре на Петровской улице пела знаменитая артистка Паулина Лукка и взмахивал палочкой прославленный дирижер Гаэтано Молла. Здесь же разыгрывали трагедии Шекспира великие актеры — негр Олдридж и итальянец Томазо Сальвини.

Это было в середине прошлого века. Потом дела Таганрога пошатнулись. По соседству вырос новый город — Ростов. Торговля перешла к нему. Корабли плыли теперь мимо Таганрога.

Таганрог угасал.

На одной из таганрогских улиц — Полицейской — жил торговец Павел Егорович Чехов. Был он из воронежских крепостных крестьян. Служил в детстве «мальчиком», а потом «молодцом» и старшим приказчиком у таганрогского купца — миллионера Кобылина. Женясь на дочери купца из Моршанска Евгении Яковлевне Морозовой и скопив небольшой капитал, Павел Егорович завел собственное дело — бакалейную лавочку с винным погребок. Вино продавалось в нем «на вынос и распивочно».

В начале 1860 года в домике на Полицейской появилась деревянная качающаяся колыбелька: 17 января¹ у Чеховых родился третий сын. Назвали его Антоном.

МАЛЕНЬКИЕ КАТОРЖНИКИ

Жизнь в семье Чеховых текла по раз заведенному порядку.

Павел Егорыч любил церковное пение. Он составил собственный хор, с которым выступал в церквях. Своих младших сыновей Павел Егорыч заставлял исполнять в хору партии высоких голосов — дискантов.

Спевка происходила по вечерам. В лавку Павла Егорыча приходили кузнецы (хор Чехова состоял главным образом из кузнецов) и рассказывались на ящиках из-под мыла или стеариновых свечей. Спевки затягивались за полночь. У детей слепались глаза, но уйти они не смели. А на рассвете надо было вставать и отправляться в церковь. Здесь дети простаивали по многу часов.

«На нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками».

¹ 29 января по новому стилю.

Так через много лет вспоминал об этих временах Чехов.

Во всем, что касалось исполнения религиозных обрядов, Павел Егорыч был строг и бездушен. Дома детей заставляли читать бесконечные молитвы и класть множество земных поклонов. Приходили к Павлу Егорычу монахи и священники — дети должны были им почтительно целовать руки.

За всякое отступление от установленных в доме правил Павел Егорыч жестоко наказывал. Антоша подвергался порке много раз.

Утешением в семье была мать, кроткая и любящая женщина. Но Евгения Яковлевна во всем подчинялась мужу и не могла защитить детей от жесткого слова и тяжелой руки Павла Егорыча. Она только украдкой ласкала Антошу.

Кроме церковного хора, было еще одно мучение — лавка. Павел Егорыч заставлял детей по очереди дежурить в своей бакалее.

— Нечего баклуши бить на дворе, ступай в лавку да смотри там хорошенько, приучайся к торговле! — слышал Антоша постоянно от отца.

Долгими часами просиживал Антоша в лавочке под такой вывеской:

ЧАЙ, САХАР, КОФЕ, МЫЛО, КОЛБАСА
И ДРУГИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ

Эти «колонияльные товары» были самые разнообразные: сельди и конверты, гребешки и пряники, рожки и вакса... Торговал Павел Егорыч еще леденцами на нитках, остро пахнущей сушеной рыбой — чирусами, восковыми спичками с разноцветными головками, ученическими тетрадями по 3 и 5 копеек. Однажды в лавку зашла подруга Антоши — Маня Дросси. Заплатила за тетрадь 3 копейки, но нечаянно взяла ту, что стоила пятак. Павел Егорыч бросился в по-

Таганрог чеховских времен. Полицейская улица (снимок 70-х годов).

гоню за Маней и с бранью отнял у нее покупку.

Уроки Антоше приходилось готовить в лавке. Зимой здесь стоял ужасный холод, у мальчиков синели руки. Назавтра после сидения в лавке Антоша получал в гимназии единицу за плохо выученный урок. А за единицу Павел Егорыч порол...

У чужих людей искал Антоша тепла и ласки, которых почти не знал в своей семье. Убегал к теткам Марфе Ивановне и Людмиле Павловне — обе горячо любили Антошу. Неохотно Антоша возвращался домой.

— Мне здесь лучше, — часто говорил он Людмиле Павловне.

«НЕОН АЛФАВИТАРИОН»

Семья у Павла Егорыча была большая. В лавочке же своей он выручал гривенники и пятаки.

Иногда у дома останавливалась запряженная парой коляска. Служивший у богатого грека кучер заходил в лавку и спрашивал табак. Павлу Егорычу вспоминались тогда особняки Вальяно и Алфераки. По

вечерам зажигались там большие люстры. Из открытых окон лились на улицу свет и музыка. Особняки греков походили на дворцы.

Знакомые Павлу Егорычу греки советовали обучать детей греческому языку.

— У нас в Греции все есть! — восклицал Стамати, завсегдатай чеховской лавочки.

В первом ряду мальчуганы выкрикивали:

— Альфа! Бета! Гамма! Дельта! Эпсилон!

В последнем ряду сидели парни в рваных матросских фуфайках и хриплыми голосами зубрили историю Греции.

Чеховых посадили в первый ряд. Вучина положил перед ними по то-

Таганрог. Особняк богатого греческого купца.

И при этом опрокидывал стаканчик сантуринаского.

И Павел Егорыч решил отдать Николая и Антошу в школу при греческой церкви.

Школой ведал Николай Спиридоныч Вучина, грек с огненно-рыжей бородой. Прошлого его было таинственным. Сам о себе он рассказывал, что явился в Таганрог «без панталония».

Школа Вучины именовалась пятиклассной. Но все пять классов помещались в одной комнате. Здесь стояли пять рядов парт. Каждый ряд был снабжен дощечкой с цифрой — I, II, III и т. д. Это и был класс.

шей книжке. Называлась она — «Неон Алфавитарийон», что по-русски значит: «Новая азбука».

— Завтра, — сказал Вучина, — надо принести за каждую книжку двадцать копеек. Скажите это папаше. А теперь учите: альфа, бета, гамма...

В школе обучались главным образом дети греческих матросов и «дрягилей» — таганрогских извозчиков.

Любимым занятием учеников было шататься по гавани. Там выгружали иностранные корабли. На пристани вырастали горы ящиков и кулей, от которых исходил тонкий запах апельсинов и коринки. Набеги учеников на эти товары

часто кончались неудачно. За «Неон Алфавитарион» принимались они с окровавленными лицами.

В школе у Вучины их тоже били. На первых же уроках Николай и Антон испытали удары учительской

Павел Егорыч приходил в школу справляться об успехах сыновей. Вучина уверял, что все обстоит прекрасно. Братья были даже награждены «бравионом» (от слова «браво») — чем-то вроде поощрительной

Берег Азовского моря у Таганрога. Рис. Мих. П. Чехова. Публикуется впервые.

линейки. Антоша возненавидел Вучину.

С торжеством наблюдали ученики ярость Вучины, когда в открытые окна школы заглядывали уличные мальчишки и хором издевались над огненной бородой Николая Спиридоныча:

Рыжий красного спросил,
Чем ты бороду красил?

Вучина бросался на улицу, мешая русскую брань с греческой. Мальчишки убегали, и Вучина, вернувшись в класс, со злости бил линейк ой не плашмя, а ребром — так было больнее.

Николай принес домой листок с надписью: «эсквис», что гречески значит благочестивый. В бравионе Антоши значилось: «эпимелис» — прилежный.

Однажды Павел Егорыч пригласил к себе знакомых греков, чтобы похвалить знаниями сыновей. Но оказалось, что дальше альфы, беты и гаммы ни «благочестивый», ни «прилежный» не пошли. В этот день Стамати не воскликнул: «В Греции все есть!», а Антоша отправился спать с заплаканными глазами.

Осенью Антоше сшили синий мундирчик и отдали в гимназию.

ЧИНОДРАЛЫ

Чехов стал ходить в большое грязно-белое казарменное здание с длинными полутемными коридорами. Здесь не было линейки Вучины, телесные наказания официально были отменены, но к гимназистам относились, как к маленьким преступникам. В дверях классных комнат были вырезаны круглые окошечки, как в тюремных камерах: через них «педеля» — надзиратели — следили за поведением учеников.

Инспектор Дьяконов, потирая руки и подергивая головой, донимал поучениями и наставлениями. Смысл их был такой: гимназисты должны каждый свой поступок согласовать с начальством.

Гроза первых классов, учитель географии и арифметики Крамсаков, обращался к ученикам не иначе, как со словами:

— Осел, дурак, скотина!

Зико, преподаватель древнегреческого языка, брал с родителей учеников взятки за хорошие отметки; нажив на пятерках и четверках небольшой капитал, он отправился на свою родину, в Грецию.

Преподаватель латыни, чех Урбан, неумоимо шпионил за старшекласниками и писал на них доносы пачками, обвиняя в причастности к подпольным революционным кружкам. Начальство поощряло шпионскую работу Урбана.

Гимназисты оборонялись от начальства насмешкой. У Дьяконова была мягкая, неслышная походка — его прозвали «сороконожкой». Крамсаков длинными, свисающими книзу усами походил на китайца — он стал «китайским императором». Классного наставника, швейцарца Монтанружа, звали Стаканом Иванычем.

Но дело не ограничилось прозвищами. Урбан вызвал к себе такую ненависть, что гимназисты покушались на его жизнь: в квартире Урбана был устроен взрыв.

«Чинодралы» — так называл Чехов этих педагогов. Среди них выделялся только один. Это был Ф. П. Покровский. Образованный и остроумный, он увлекал класс беседами о литературе. На его уроках говорили о Шекспире, Гёте и Пушкине. Покровский не только не шпионил за учениками, но нередко укрывал у себя

Здание таганрогской гимназии.

Семейная группа. Сидят (слева направо): Мих. П. Чехов, Мария П. Чехова, П. Е. Чехов (отец), Е. Я. Чехова (мать) и тетка Людмила Павловна с сыном. Стоят (слева направо): Ив. П. Чехов, Антон Павлович Чехов, Н. П. Чехов и Митрофан Георгиевич (дядя писателя). 1875 г.

учеников старших классов от преследований полиции.

Покровский имел большое влияние на Чехова. Он заметил у своего ученика юмористическое дарование и старался его развить.

Сам Покровский был большим поклонником Щедрина. Он внушил Чехову интерес к произведениям знаменитого сатирика¹.

Покровский вызывал Чехова к доске так:

— Че-хон-те!

Странное прозвище так и осталось за Чеховым.

Павел Егорыч не слишком верил в то, что детям удастся пойти по «письменной части». На всякий случай братьев Чеховых устроили в ре-

месленные классы при уездном училище, в которых могли обучаться и гимназисты. Заведывал училищем человек с такою длинною бородой, что он сметал ею обрезки с доски, лежавшей у него во время работы на коленях. Николая и Ивана Чеховых вскоре из ремесленных классов уволили «за громкое поведение и тихие успехи», как было сказано в официальном документе. Антона оставили. Его обучали портняжному ремеслу, и вскоре он стал появляться в самых сшитых трико-вых брюках, тонких, как макароны, или в куртках невообразимого цвета.

Все же в жизни Антоши были и радости. В конце Полицейской улицы открывалось море. Антоша целыми днями летом пропадал в гавани с удочками. Часто дети отправлялись за город — в Елизаветинский парк. Там «охотились за черепами», как

¹ Из воспоминаний преподавателя таганрогской гимназии А. Н. Баландина, записанных автором очерка.

и подобало читателям Майн-Рида и Фенимора Купера.

За чеховским домом находился большой пустырь, заросший бурьяном и коноплей. Назывался он «име-

Любил Антоша всевозможные передевания. Однажды он, переодетый нищим, явился к дяде Митрофану Георгиевичу. Дядя не узнал его и подал три копейки.

Летом Антоша отправлялся в степь к деду. Тот жил верстах в шестидесяти от Таганрога — в Княжой, где служил управляющим имением.

Поездка на волах в Княжую занимала несколько дней. В эти дни Чехов чувствовал себя свободным, и все в степи казалось ему радостным и счастливым.

ДВА ТЕАТРА

Чехову было тринадцать лет, когда он впервые попал в театр.

Давали оперетту «Прекрасная Елена». Небо морщинилось, большая луна светилась, как желтый шар в окне аптеки. Но небо, колонны и луна показались Чехову прекрасными.

С тех пор Чехов не мог дожидаться, когда в гимназию на большую перемену придет Жорж — театральный афишер. Он сообщал репертуар на ближай-

шие дни. Если репертуар был интересный, Жоржа качали.

«Охота за черепами» и даже ловля щеглов отошли на второй план. Все деньги, которые удавалось скопить Чехову, уходили на театр. К счастью, Чехов познакомился с теат-

ОТМѢТКИ					
За 4 ^ю четверть 1878 года					
Ученики V класса Чехов, Антоша					
	Усп.	Вним.	Прогр.	Повед.	Число пропусков.
Заковъ Божій	5	5	5		
Русскій и Славянскій языкъ	4	4	4		
Латинскій языкъ	4	5	4		
Греческій языкъ	4	5	5		
Арифметика					
Алгебра	4	4	4		
Геометрія и Тригонометрія	3	4	3	5	1998
Исторія	4	5	5		
Географія					
Французскій языкъ					
Нѣмецкій языкъ	5	5	5		
Физика					
Численіе					
Рисованіе					
Определеніе Педагогическаго Совѣта					
Классный Инспектор Ю. Бусе					

Балльник А. П. Чехова — гимназиста V класса.

нием куриного царя». Здесь Чехов ловил щеглов и чижей. Пойманных птиц выменивал или продавал. О своем детстве вспоминал Чехов, когда описывал в повести «Моя жизнь», как герой сбыл щегла за копейку — «все-таки маленькая польза».

ральным машинистом. Он устраивал его бесплатно на галерку. Часто Чехов ходил в театр вместе с товарищем по гимназии Вишневым. Вишневский потом стал известным артистом московского Художественного театра и первым исполнителем многих ролей в чеховских пьесах. Чехов подарил Вишневному свою фотографию с надписью: «Современнику Петрарки и Жоржа». Надпись казалась загадочной — ведь великий итальянский поэт Петрарка жил в XIV веке. Но это так звали машиниста таганрогского театра — Петрарки...

Для посещения театра нужно было разрешение гимназического начальства. Давалось оно с трудом и только на спектакли в праздники. Чтобы обойти запрет, Чехов переодевался в штатское. Но и это не всегда помогало, так как классные надзиратели приходили в театр нарочно выслеживать гимназистов. Чехову при-

ходилось иногда не только переодеваться, но и гримироваться. Он являлся в театр с приклеенной бородой и в очках. Тогда это странное существо смело проходило мимо фигуры в учительском мундире.

Билеты на галерку были нумерованные, и, чтобы захватить первые места, Чехов являлся часа за два до начала представления. Театр был пуст. Горел один газовый рожок, и сверху зал казался черной ямой. Галерка набивалась публикой и прижимала Чехова к барьеру. Зрители грызли подсолнухи, в антрактах рассматривали сидевших в ложах греков-миллионеров с их женами.

В домике на бывшей Полицейской улице, где родился Чехов, и сейчас висит одна из тех афиш, что расклеивал на заборах Жорж. Афиша помечена 1878 годом и извещает о представлении пьесы Островского «Волки и овцы». Островский был любимым

Зрительный зал таганрогского театра.

драматургом Чехова-гимназиста. На спектакле пьесы Островского «Без вины виноватые» Чехов, следя за судьбой матери и сына, плакал.

Видал Чехов в театре и многое другое: веселый французский водевиль «Дело в трех шляпах», захватывающую драму «Ограбленная почта», чувствительную мелодраму «Па-

Кроме городского театра, в жизни Чехова был другой театр — домашний. Братья Чеховы разыгрывали у себя целые представления. Первым актером труппы был Антон. С увлечением играл он фельдшера, рвущего зубы у больного; изображал, как таганрогский градоначальник, князь Максютин, появляется в соборе или на военном параде; читал лекцию собственного сочинения о сотворении мира: коринка была так смешана с изюмом, что их в первые дни никак нельзя было различить, а луну отмывали прачки...

В доме у Андрея Дросси, гимназического товарища Чехова, молодежь устроила «настоящий» театр. Занавес с наклеенными попугаями и большой жар-птицей разделял гостиную на сцену и партер. Боковые комнаты превращались в артистические уборные. В небольшом стенном шкафу хранились костюмы, парики, старые шпоры, и здесь же складывались заготовленные к спектаклю пирожки.

На спектакли собиралось много зрителей. Приходил хлеботорговец Брусали, богатый грек. Являлся Митрофан Георгиевич, дядя Антоши. Дети смотрели на него с любопытством: его бесчисленные поклоны в сторону висевшей в углу иконы, кресты, борода казались странными и немного пугали.

— Если бог благословит, — говорил он через каждое слово.

Публике выдавались билеты: белые — в партер, серые — на галерку, в переднюю. На галерке собиралась прислуга — горничные, повар, кучера — бывшие крепостные матери Андрея Дросси, воспитанные в строгом повиновении. Например, горничная Анна Федосеевна не решалась раздеваться в комнате, где висел портрет барыни.

С волнением зажигали дети большие керосиновые лампы, — не раз во

Афиша таганрогского театра.

рижские нищие», оперетту «Чайный цветок».

Надолго запомнилась Чехову пьеса «Хижина дяди Тома».

— Том, твоя рука еще сильна! — трагически восклицал он, положив руку на плечо товарищу.

Один из гимназистов, сын актера таганрогской труппы, провел Чехова за кулисы театра. Чехов знакомился с артистами, наблюдал, как устанавливают декорации. На всю жизнь сохранился у Чехова интерес к кулисам и театральным машинам.

время представления артисты вздрагивали при треске лопнувшего стекла. Проходил в комнату для артистов Чехов. От него пахло конюшней: любимым его занятием в доме Дросси было наблюдать, как кучер Филипп ходит за лошадьми.

Репертуар театра был самый разнообразный. Сегодня ставили оперетту «Дочь второго полка», и одетая в гусарский ментик гимназистка пела, подражая манерам заезжих итальянских певиц:

Полк, за мной!
Полк, за мной!

А в следующий раз представляли уже «Лес» Островского, и Чехов подавал реплики Несчастливцева¹.

В доме Дросси ставились и чеховские пьесы. То были сценки и обозрения таганрогской жизни, в которых зрители часто узнавали самих себя. Пьесы эти записывались в особые тетради. После спектакля Чехов их всегда уничтожал. От этих первых чеховских сочинений не осталось ничего, кроме смутных воспоминаний.

В театре искала детская душа Чехова убежища от бакалей, «сороконожек» в мундирах с золотыми пуговицами, целования поповских рук, жестокости отца.

И в театре пробудился интерес Чехова к литературе.

ОДИН В ТАГАНРОГЕ

Торговля у Павла Егорыча шла плохо. Все чаще жаловался он на Перушкина и Третьякова. То были богатые купцы, жеснившие чеховскую бакалею. Пробовал Павел Егорыч перебраться в район греческих магазинов и кофеен. Здесь дела пошли еще хуже — греки любили заходить в лавочку, как в клуб, а Павел Егорыч был суров и необщителен. Не

*Получив повестку
Тайком Павел Егорыч
ушел*

Самый ранний автограф А. П. Чехова (1873 г.). Расписка в получении повестки на имя П. Е. Чехова. Публикуется впервые.

пошла торговля и поближе к только что построенному вокзалу. Здесь трудно было конкурировать с богатыми оптовиками Титовым и Амосовым¹.

Чтобы поправить дела, Павел Егорыч затеял постройку большого доходного дома. Денег нехватило, удалось построить только унылый домик о трех окнах на улицу.

Появились неоплатные долги. Павлу Егорычу угрожала «яма» — тюрьма для несостоятельных должников. Тайком Павел Егорыч сел в поезд на Москву. Там жили его старшие сыновья.

Домом Чеховых завладел некий Гавриил Парфеньич. Мебель вывезли в уплату долгов. Это было настоящее разорение, жить больше было негде. И вслед за Павлом Егорычем потянулась Евгения Яковлевна с младшими детьми.

Антон остался один в чужом теперь доме — сторожить остатки имущества и оканчивать гимназию.

Три года прожил Чехов в Таганроге, оставленный семьей. Пенie в церкви, сидение в лавке, отцовские расправы — с этим было покончено. Детство, в котором было так мало ласки, осталось позади.

Чехов вступил в новую жизнь. Но и она была нелегкая. Шестнадцатилетний мальчик был предоставлен самому себе. Надо было добывать средства к жизни.

Чехов стал давать уроки. За каждый урок он получал всего несколько рублей в месяц. По призна-

¹ Из воспоминаний Марии Стейгер (Дросси), записанных автором очерка.

¹ По неопубликованным архивным данным, сообщенным М. М. Андреевым-Туркиным.

Беседка в Карantine (пригороде Таганрога — излюбленном месте прогулок Чехова-гимназиста). Описана Чеховым в повести «Огни».

нию самого Чехова, бедность мучила его, «как зубная боль».

Эти одинокие годы Чехова — самая темная полоса в его биографии. Сохранились лишь обрывочные воспоминания таганрожцев, немногие гимназические документы да несколько писем Чехова к родным.

Письма Чехова-гимназиста звучат подчас не по-детски серьезно.

Глубоко волнует первое дошедшее до нас письмо Чехова. Послал его Чехов младшему брату Мише:

«Зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой»? Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай знаешь где? Перед богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность».

Его, Антошу, в детстве немало унижали. Теперь Чехов вставал на защиту человеческого достоинства.

Много позже Чехов писал из-

вестному журналисту:

«Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьем почете, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галюш, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых

родственников, лицемеривший богам и людям без всякой надобности — только из сознания своего ничтожества, напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Чехов писал о самом себе. И выдавливает из себя по каплям раба кровь он начал уже тогда, шестнадцатилетним гимназистом.

Он много читает: «Дон-Кихот» Сервантеса и «Фрегат Паллада» Гончарова, сочинения Шекспира и Тургенева, философские книги Шопенгауэра и научные труды Гумбольдта. Воскресения он просиживает в городской читальне за «Стрекозой» и «Будильником» — столичными юмористическими журналами.

В Чехове рано пробуждается критическое чутье. Он высказывает в письмах меткие суждения о литературе. Еще несколько лет назад он увлекался «Хижиной дяди Тома», теперь он роняет об этой повести насмешливое замечание:

«Хорошо делаешь, — пишет Чехов Мише, — если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал, прочел и полгода назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки».

Чехов не только читает, но и сам пишет. «Издает» рукописный юмористический журнал «Заику». Журнал отсылался в Москву старшим братьям. Появляются очерки Чехова и в гимназическом журнале «Досуг». В одном из очерков Чехов описал Новый базар — там помещалась лавка Павла Егорыча. Увлеченный театром, Чехов пишет пьесы: драму «Безотцовщина» и водевиль «О чем курица пела».

Вещи эти Чехов послал в Москву брату Александру. Тот отнес их известному драматургу С. Соловьеву.

— Со временем — кто знает? — может выйти дельный писатель, — сказал Соловьев, прочитав водевиль.

В эти годы Чехов казался окружавшим его людям задумчивым и скрытным. У него было много приятелей и мало близких друзей. Многие считали его равнодушным. Только иногда, если что-нибудь увлекало его, Чехов менялся. Глаза становились лучистыми, и Чехов, улыбаясь, отпускал полную добродушия шутку.

Несмотря на все усилия начальства, в гимназию проникали революционные настроения. В старших классах существовали подпольные революционные кружки. Некоторые из товарищей Чехова преследовались полицией, подвергались арестам, предавались суду. Ученик таганрогской гимназии Всеволод Гончаров был осужден на каторгу.

Бурные события мало затрагивали Чехова. К политике в те годы он относился безразлично, но в то же время горячо откликался на всякую несправедливость по отношению к отдельной личности. В памяти одноклассников Чехова сохранился такой случай:

Товарищ Чехова по гимназии, ученик восьмого класса Волькенштейн, был уволен из гимназии за то, что дал пощечину соученику-монархисту, назвавшему его «жидом». Взысканный Чехов прибежал в восьмой класс и уговорил учеников подать заявление об оставлении гимназии всем классом, если Волькенштейн не будет принят обратно. Начальство испугалось скандала. Решение об исключении Волькенштейна было отменено.

В 1879 году Чехов окончил гимназию. Сняться на фотографии вместе

«Каменная лестница» в Таганроге — спуск к морю.

Дом на б. Елизаветинской улице в Таганроге, где жила семья Чеховых.

с учителями окончившие гимназию отказались. Иметь на память физиономии учителей никто не захотел.

О том, как чувствовали себя разделившиеся, наконец, с гимназией молодые люди, писал Александр Чехов:

«Многие из моих сверстников покинули гимназию с горечью в душе. Мне же лично чуть ли не до 50 лет по ночам снились строгие экзамены, грозные директорские распекаания и придирки учителей. Отрадного дня из гимназической жизни я не знал ни одного»¹.

Чехов собрался в Москву. Он прощался со всем дорогим и ненавистным, что выпало ему за 19 лет жизни, — с театром, бакалеей, гимназией и степью... Его ждал университет и свобода.

В последний раз зашел Чехов к тетушке Марфе Ивановне. Сколько раз он убежал к ней, когда жизнь дома становилась нестерпимой!

Тетушка плакала.

— Не горюй, — сказал ей Чехов. — Поеду в Москву, буду доктором. Будем, будем жить по-человечески!

Глава II

АНТОША ЧЕХОНТЕ

С «РАСПИСАНИЕМ ДЕЛОВ» ПОКОНЧЕНО

На столе у гимназистов Чеховых рядом с «Детьми капитана Гранта» лежала ветхая книга — сборник «Пчела». Братья любили рассматривать в «Пчеле» рисунки, изображавшие Кремль и Сухареву башню. Это была Москва, очень далекая, отде-

ленная степью, через которую путешествовали долгие недели на волах.

Впервые Чехов увидел Москву, когда шестнадцатилетним гимназистом приезжал к семье на зимние каникулы. Ему рисовался чудесный город, а он нашел рваных извозчиков, тусклые керосиновые фонари и неприятный подвал, в котором жила семья Чеховых.

И все же Москва понравилась Чехову с первой встречи. Понравился

¹ Из неопубликованной рукописи Александра Чехова «Таганрогская гимназия».

А. П. Чехов-гимназист (1874 г.).

московский снег, шум, люди, театры.

Братья водили Чехова по городу. Много позже, вспоминая об этих днях, старший брат Чехова Александр Павлович писал Антону:

«Помню, как мы вместе шли, кажется, по Знаменке (не знаю наверное). Я был в цилиндре и старался как можно более, будучи студентом, выиграть в твоих глазах. Для меня было по тогдашнему возрасту важно ознаменовать себя чем-нибудь перед тобою. Я рыгнул какой-то старухе прямо в лицо. Но это не произвело на тебя того впечатления, какого я ждал. Этот поступок покоробил тебя. Ты с сдержанным упреком сказал мне: «Ты все еще такой же ашара, как и был». Я не понял тогда и принял это за похвалу».

Осенью 1879 года Чехов переселился в Москву. Для него она уже заранее была любимым городом.

И чеховская любовь к Москве не была поколеблена ни труппами Драчевки, где по бедности жили Чеховы; ни мрачностью университетского здания на Моховой с его закопченными стенами и студенческими канцеляриями, напоминавшими полицейский участок; ни тем, что не было в Москве моря и степи...

Чехов поступил на медицинский факультет. На смену «Дон-Кихоту» и «Фрегату Палладе» пришли медицинские учебники. На этажерке у Чехова появился человеческий череп.

Чехов застал семью постепенно освобождавшейся от гнетущего влияния отца. Вначале, по переезде семьи в Москву, Павел Егорыч установил старые, таганрогские порядки. Он составил для детей письменное расписание, которое озаглавил так: «Расписание делов». Вот что в нем говорилось:

**РАСПИСАНИЕ ДЕЛОВ
И ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
для выполнения по хозяйству
СЕМЕЙСТВА ПАВЛА ЧЕХОВА
ЖИВУЩЕГО В МОСКВЕ**

НИКОЛАЙ ЧЕХОВ { Встает от 5—7 и по усмотрению и внутреннему на-
20 лет правлению

ИВАН ЧЕХОВ { По хозяйственному наблюдению и согласно сему распи-
17 лет санию

МИХАИЛ ЧЕХОВ {
11½ лет
МАРИЯ ЧЕХОВА { Хождение неотлагательно в церковь ко всенощному
14 лет бдению в 7 час. и ранняя обедня в 6½ час., к позней
в 9½ по праздникам

Утвердил отец семейства для исполнения по расписанию.

Отец семейства
ПАВЕЛ ЧЕХОВ

Неисполняющий подвергается сперва строгому выговору, а затем наказанию,
при коем кричать воспрещается

тебе вставать, если еще рано, так и поди опять ляж»¹.

За нарушение расписания были расправы и более жестокие. Семнадцатилетний Иван нарушил какое-то правило «по хозяйственному наблюдению». Отец избил его за это во дворе дома. И Иван вторично нарушил «расписание делов» — он стал кричать. На крики собрались жильцы. Сцена была настолько отвратительная, что домовладелец пригрозил Павлу Егорычу выселением из квартиры в случае ее повторения. А ведь дворы московских трущоб были привычны ко многому...

И когда в Москву приехал Антон, Павел Егорыч попытался было действовать по-старому, но встретил решительное сопротивление. За годы самостоятельной жизни в Таганроге Чехов изменился. С неожиданной для всей семьи твердостью отстаивал он теперь то, что считал справедливым. «Это неправда», «не надо лгать», резко замечал Чехов.

Павел Егорыч поселился отдельно, у замоскворецкого купца-самодура Гаврилова, к которому поступил на службу письмоводителем. Семья сама добывала средства к жизни. Работали все. Николай, талантливый художник, рисовал карикатуры для юмористических журналов. В юмористических журналах работал и Александр, сочиняя всевозможные «мелочи». Иван вскоре пошел в народные учителя. Младший, Михаил, переписывал студенческие лекции. Мать и сестра Маша занимались хозяйством. Стал искать заработок и Антон. Он попробовал пойти по пути старших братьев — работать в юмористических журналах.

Существует рассказ о том, как Чехов напечатал свою первую вещь.

В семье Чеховых готовились справить именины Евгении Яковлевны. Денег на именинный пирог не было. Антоша сочинил смешной рассказ и

на полученные за него несколько рублей купил матери пирог.

Возможно, что это было и не так. Но верно то, что к работе в журналах Чехова обратила нужда. В юмористическом журнале «Стрекоза» появились одновременно две вещи. Одна называлась — «Письмо донского помещика Степана Владимировича Н к ученому соседу д-ру Фридриху» и была скромно подписана: «...в.». Другая называлась: «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?». В ней высмеивались произведения бездарных писателей, где обязательно встречается надоевшая читателю графиня, богатый дядя, доктор с озабоченным лицом и слуга, готовый за господ лезть куда угодно, хоть в огонь... Под этой вещью стояла подпись: «Антоша».

То было первое выступление Чехова в литературе.

СЧЕТКИ

Читатели, раскрывавшие юмористические журналы 80-х годов, часто наталкивались на вещи за такими подписями: «Вспыльчивый человек», «Балдастов», «Рувер», «Улисс», «Врач без пациентов», «Антонсон», «Человек без селезенки».

И еще — «Антоша Чехонте».

Все эти подписи мелькали в «Осколках» и «Будильнике», в «Зрителе» и «Москве», в «Сверчке» и «Стрекозе», в «Мирском толке» и «Свете и тени» — во всех юмористических журналах того времени.

За всеми подписями скрывался один и тот же автор — Чехов.

Не сразу удалось Чехову завоевать себе место в юмористических журналах.

В «Стрекозе» был отдел «Почтовый ящик». В нем печатались ответы на присланные в редакцию рукописи. С авторами не церемонились. Печатались, например, такие ответы: «Примите касторового масла вместо гонорара».

¹ Из письма Александра Чехова. Публикуется впервые.

Чехову в «Стрекозе» пришлось прочесть следующие адресованные ему ответы:

«Ужасный сон только тем и ужасен, что невозмутимо повторяет всем надоевшие темы».

«Несколько строк не искупают непроходимо пустого словотолчения».

«Стрекозой» и стал печататься в других журналах. Но и здесь немало пришлось пережить Чехову унижений.

Хозяев юмористических журналов интересовало одно — прибыль. Издатель «Стрекозы» Г. Корнфельд был владельцем фабрики каучуковых

Студенческий билет А. П. Чехова.

«Портрета» не поместили. Он до нас не касается».

«Очень длинно и бесцветно. Нечто вроде белой бумажной ленты, кистайцем из рта вытянутой».

«Не расцвев, увядаете. Очень жаль».

Самолюбие Чехова было уязвлено. Прочтя ответ — «не расцвев, увядаете». — Чехов покончил временно со

штемпелей. У издателя «Зрителя» В. Давыдова была модная мастерская.

С молодыми литераторами общались, как с бедными просителями.

«Придешь, — рассказывал позже Чехов, — за ответом в редакцию юмористического журнала. Редактор

даже не повернется, видишь только спину у подлеца: «Не принят».

В одних журналах требовали писать покороче, в других оценивали рукопись на вес.

— Что? Это называется произведением? — с презрением говорили Чехову редактора. — Нет, нам таких штучек не надо. — И добавляли с насмешкой: — Эх вы, Че-хо-вы!

Трудно было печататься, еще труднее было получить деньги за напечатанный рассказ. Чехов иногда в шутку называл свои юмористические мелочи «снетками». Цена на них была немногим выше, чем на те снетки, что продавались в рыбных лавках. Платили Чехову копеек пять за строчку. За целый рассказ получалось рублей шесть-семь. И ходить за ними приходилось к редактору по многу раз. Отправлялись авторы за гонораром компанией — так было внушительнее. Ловили редакторов на дому.

Вот сценка, описанная собратом Чехова по юмористическим журналам — писателем А. С. Лазаревым-Грузинским:

«— Дома?

— Дома. Просят вас подождать.

Сидим. Ждем час и два, затем выйдем из терпения и начнем стучать в стенки, в двери. Появится какой-нибудь заспанный малый с пухом в волосах и с удивлением спросит:

— Вам кого?

— Курепина! ¹

— Вот хватились! Да уж он уехал давно.

— Как уехал?

— Да так: вышел с черного хода, сел на лошадь и уехал. Говорили: пусть зайдут как-нибудь после; нынче мне некогда.

Плюнем, да всей компанией и пойдем».

¹ Редактор юмористического журнала «Будильник».

В газете «Новости дня» Чехов печатал свой роман «Драма на охоте». За него Чехову платили каждую неделю три рубля медяками из выручки, которую приносили с улицы продавцы газеты. Однажды издатель отказался выдать и эти три рубля. Вместо них он предложил взять у портного брюки за счет газеты!

Некоторые издатели расплачивались с сотрудниками в пивных, другие даже в бане. Издатель «Мо-

Н. А. Лейкин в редакционном кабинете.
Карикатура М. М. Далькевича. Из журнала «Осколки».

сковского листка» Пастухов говорил всем сотрудникам «ты» и главным родом литературы признавал отчеты о пожарах.

«Лучше без штанов на визит пойти, чем у него работать!» вырвалось у Чехова, когда Пастухов повел его как-то в трактир — завлекать к себе в газету.

Талант Чехова был замечен. Известный писатель-юморист Н. А. Лейкин

пригласил Чехова в «Осколки». Это был лучший юмористический журнал того времени.

В замашках Лейкина было много купеческого. На праздники он посылал сотрудникам наградные, точно приказчикам. Должность редактора юмористического журнала он совмещал с должностью... церковного ста-

портерские заметки, театральные рецензии, судебные отчеты, уголовные романы, сочинял подписи к рисункам, смешные объявления, изречения, шарады, вопросы и ответы, комические примечания к календарю, газетные передовые, подделки под иностранных авторов... Как в шутку выразился сам Чехов, он «пере-

Старая Москва в рисунках Н. П. Чехова. Кузнецкий мост. Из журн. «Зритель».

росты. Все же это был человек, наделенный литературным талантом. Лейкин первым из известных писателей обратил внимание на Чехова.

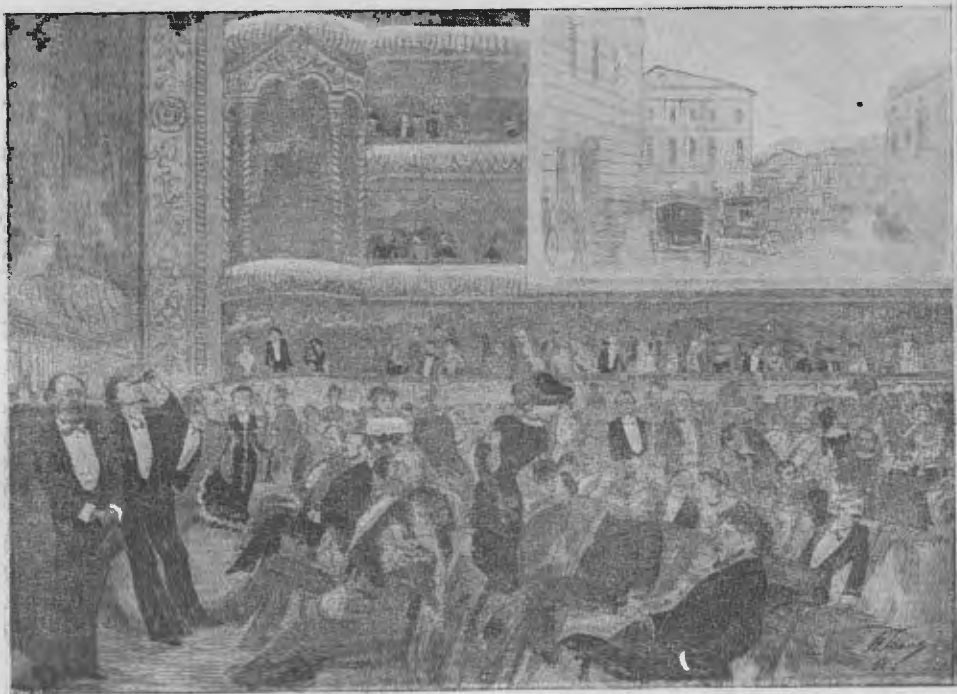
Нужда заставила Чехова писать непрестанно, торопясь, «наотмашь». В ту пору писал он по 200—300 вещей в год — почти каждый день по новой вещи. Пробовал себя Чехов во всевозможных жанрах: писал юмористические рассказы, сценки, ре-

пробовал все, кроме стихов и доносов.

С жадностью искал Чехов повсюду темы для своих мелочишек — «комаров и мух» для «Стрекозы» и других журналов. Искал в газетной хронике, у знакомых репортеров. Объявил дома, что станет платить за каждую выдумку 10 копеек, а за полный сюжет для рассказа 20 копеек.

И все же Чехов часто сетовал на то, что писать не о чем. Жизнь была тусклая, придавленная, а о многом не разрешала писать царская цензура. Юмористические журналы старались избегать опасных тем и затрагивать правительство. Несмотря на это, журналы непрестанно подвергались настоящим погромам. Дохо-

Иногда жизнерадостность изменяла и Антоше Чехонте. На юбилейном празднестве «Будильника» Чехов выступил с речью. Она прозвучала неожиданной грустью. Он говорил о том, что каждый год, и почему-то непременно осенью, юмористы хоронят кого-нибудь из своих товарищей. Сотрудники юмо-

Старая Москва в рисунках Н. П. Чехова. Большой театр. Из журнала «Зритель».

дило дело до невероятных курьезов. Запрещалось слово «кокарда» — это будто бы могло задеть честь царской армии. Запрещалось употребление слова «лысый» — цензура усматривала в этом слове намек на царя, лысого Александра III.

Не раз цензура запрещала и чеховские вещи.

«Близко время, когда даже чин «купец» станет недозванным фруктом», писал Чехов Лейкину в ответ на извещение об очередном разгроме «Осколков».

Юмористических журналов вымирают, точно индейские племена, и поневоле оставшимся в живых хочется сбежать в кондуктора или почтальоны.

Чехов говорил о своих друзьях и о самом себе.

Он писал по вещи в день и все же не мог побороть нужду. Он успел, несмотря на скорописание, создать уже немало чудесных маленьких рассказов, но никто не признавал его настоящим писателем.

«Путь пишущего усыпан не розами,

Родители Чехова — Евгения Яковлевна и Павел Егорович (Москва).

а гвоздями», говорил Чехов; это относилось и к его собственной писательской судьбе.

Веселость все же не покидала Антошу Чехонте. Из-под пера его выходили брызжащие смехом рассказы.

А работать подчас было очень трудно.

«Пишу, — сообщал Чехов Лейкину, — при самых гнусных условиях... В соседней комнате кричит дитя, в другой комнате отец читает вслух матери «Запечатленного ангела»¹... Кто-то завел шкатулку², и я слышу Елену Прекрасную... Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята

приехавшим сродственником, который то и дело заводит речь о медицине... Кому надбело толковать про медицину, тот заводит речь про литературу...»

ДОКТОР ЧЕХОВ

Отвлекала Чехова от литературы и медицина: надо было ходить на лекции, посещать больницы, готовиться к экзаменам.

Однажды в юмористическом журнале «Развлечение» появился рассказ Агафопода Единицына — под таким псевдонимом писал старший брат Чехова — Александр Павлович. Назывался рассказ «Завтра — экзамен».

В рассказе описывалось, как «саранча» — родственники — мешает заниматься студенту-медику 5-го курса: тетушка кличет Корбиньку, комнатную собачонку; маменька приходит с жалобой на «подлую» прачку — «ты знаешь, что прачка не принесла тебе сорочки к завтрашнему дню... Ну, в чем ты пойдешь завтра на экзамен?»; брат-гимназист ищет карандаш; сестра спрашивает, что такое «психическая субстанция»; старший брат «забудыга» приходит в пьяном виде за рецептом... Студент не выдерживает и убегает из дому.

Рассказ Агафопода Единицына «Завтра — экзамен» — живая страница из биографии Чехова. Действующие лица сохранили в рассказе собственные имена, начиная от «героя» — Антона Павловича — и кончая Корбинькой, долго жившей в доме у Чеховых «собакой без спины», как называл ее Антон Павлович.

В 1884 году Чехов окончил университет.

На двери чеховской квартиры появилась дощечка:

¹ Повесть Н. С. Лескова.

² Музыкальную шкатулку — механический музыкальный инструмент.

В самом же начале врачебной практики Чехову пришлось пережить несколько мучительных минут: по рассеянности он неправильно поставил на одном рецепте запятую; лекарство по такому рецепту превратилось в смертельный яд. Свою ошибку Чехов заметил только дома. В полночь он нанял лихача и помчался на окраину, где жил больной. К счастью, в аптеку еще не посылали.

В другой раз умирающая женщина в самый момент агонии схватила Чехова за руку и так и умерла, не выпуская ее. Этот случай произвел на Чехова сильное впечатление. В некоторых воспоминаниях о Чехове говорится, что вскоре после этого случая Антон Павлович снял с двери докторскую досочку.

Когда Чехов стал известным писателем, он отказался от профессии врача. Но с медициной Чехов никогда не порывал. На письменном столе у Чехова рядом с чернильницей всегда лежал докторский молоточек. Он бесплатно лечил крестьян, следил за медицинской наукой, хлопотал об устройстве научных учреждений, посещал больницы, переписывался с известными учеными.

Он гордился своим званием врача и собирался даже читать в университете лекции по медицине.

Медицина открыла Чехову недоступный другим писателям особый

мир — мир больниц, врачей, больных. О Чехове-враче напоминают самые названия многих его рассказов и повестей: «В аптеке», «Доктор», «Хирургия», «Мертвое тело», «Тиф», «Водобоязь», «Случай из практики», «Палата № 6».

БАБКИНСКИЕ ДНИ

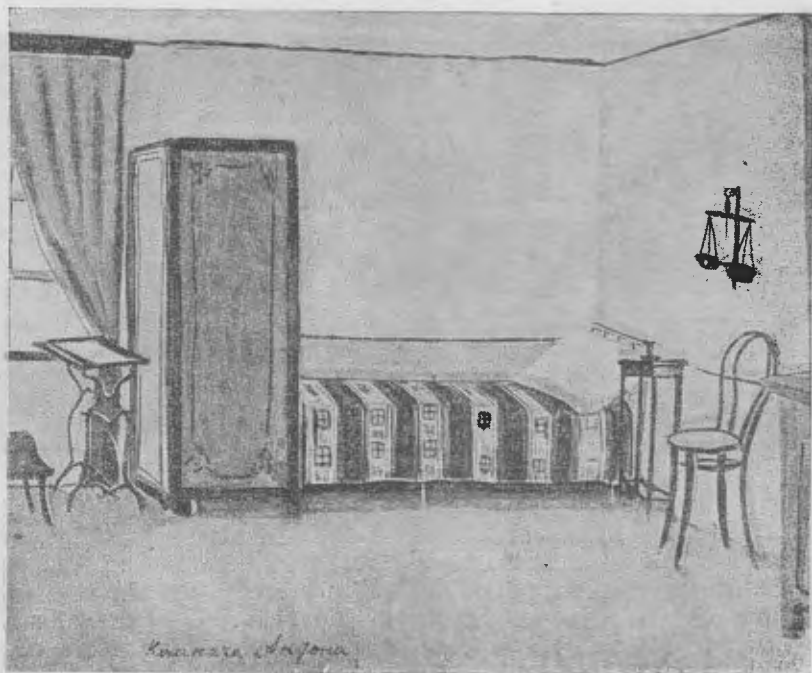
«Сейчас 6 часов утра. Наши спят... Тишина необычайная... Попискивают птицы, да скребет что-то за обоями... Пишу и то и дело поглядываю в окно. Перед моими глазами простирается необыкновенно теплый, ласкающий пейзаж: речка, вдали лес, Сафонтьево, кусочек киселевского дома...

Вчера писал очень много и сейчас посылаю. Работается...»

Это письмо Чехов послал из Бабикина. Здесь, в имении Киселевых, близ городка Воскресенска, Чехов провел подряд три лета.

То были счастливые годы в жизни Чехова. Он приобретал известность. Чехова печатали уже в больших газетах. Чехов любил бабкинские места, и все здесь подсказывало ему темы — почта в Воскресенске, сельская больница в Чикине, одинокая церковка на краю леса, соседний Божаровский омут...

В Бабинке Чехов заражал всех своей веселостью. Он переодевался в бухарский халат, мазал себе лицо

Комната А. П. Чехова в Бабкине. Рис. Мих. П. Чехова.

сажей и в таком виде вместе со своим другом, художником И. И. Левитаном, выходил в поле. Левитан разыгрывал молящегося мусульманина, Чехов — воинственного бедуина. Бедуин стрелял холостым зарядом из ружья, Левитан падал.

По вечерам в бабкинском доме слушали романсы — их пел известный тенор Владиславлев. Левитан рисовал в альбоме, а Чехов снабжал рисунки смешными подписями. Заполняли и альбом Саша, дочери Киселевых. Одно стихотворение Чехова в Сашином альбоме начиналось так:

«Милого Бабкина яркая звездочка».

Когда Чехов однажды поймал карася, Саша сказала:

— Вася поймал карася.

Дети звали Чехова «Васей». Это в отместку за то, что он дразнил Сашу «Василисой».

Бабкинских людей и природу Чехов описал во многих рассказах. Давались они в ту пору Чехову легко. Один из рассказов Чехов на-

писал, лежа в купальне. Другой — на пари: без единой поправки.

«Я писал, как птица поет, — говорил он. — Сяду и пишу... Написать очерк, рассказ, сценку мне не стоило никакого труда... Смеялся сам и смешил окружающих».

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕХОВА

Его набросал писатель В. Г. Короленко в своих воспоминаниях о Чехове:

«Передо мной был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом... Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях... Казалось, из глаз его струился неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему предстоит еще развернуться... Общее впечатление было цельное и обаятельное...

По его словам, он начинал литературную работу почти шутя.

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставил ее передо мною и сказал:

— Хотите, завтра будет рассказ? Заглавие: «Пепельница».

И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей начинают уже роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения...

Когда я вспоминаю этот разговор, небольшую гостиную, где за самоваром сидела старуха-мать, сочувственные улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, в центре которой стоял этот молодой человек, обаятельный, талантливый, с таким, повидимому, веселым взглядом на жизнь, мне кажется, что это была самая счастливая, последняя счастливая полоса в жизни всей семьи...

Было тогда Чехову 26 лет.

Глава III

ПОВЕСТЬ О СТЕПИ

ПИСЬМО ГРИГОРОВИЧА

«Пестрые рассказы» — так назвал Чехов свою книгу, сборник рассказов. В него вошли вещи, которые Антон Павлович печатал за подписью «А. Чехонте» в юмористических журналах и газетах.

Сборник уже печатался. В это время произошло событие, которое оставило глубокий след в душе Чехова.

Однажды он получил письмо из Петербурга. Прислал его известный писатель Д. В. Григорович, автор знаменитого «Антон Горемыки». В письме говорилось о том, как, случайно прочтя в газете рассказ, подписанный «А. Чехонте», Григорович обратил внимание на его своеобразие и правдивость. С тех пор он читал все, что было подписано этим псевдонимом...

«...Вы, я уверен, — писал Григорович, — призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который

дается редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю ваших средств; если у вас их мало, голодайте лучше, как мы в свое время, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения».

Призыв Григоровича нашел глубокий отклик в душе Чехова. Он всегда избегал длинных излияний и в письмах, говоря о самом важном, самом серьезном и горьком, предпочитал отделяться милой и грустной шуткой. Но Григоровичу он ответил большим и взволнованным письмом. Вот несколько отрывков из него:

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе.

Я как в чаду. Нет у меня сил судить, заслужена мною эта высокая награда или нет. Повторяю, что она поразила меня.

Если у меня есть дар, который следует уважать, то каюсь пред чистотой вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня

Д. В. Григорович. С фотографии, подаренной Д. В. Григоровичем А. П. Чехову, с надписью: «От старого писателя на память молодому таланту».

есть, но привык считать его ничтожным.

Доселе я относился к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток... Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно. Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщателью прятал.

Вся надежда на будущее. Мне

еще только 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро».

И вскоре Чехов принимается за этот труд. Он обращается к своему прошлому, к тому, что было в нем большого, радостного и теплого.

На Кудринской-Садовой, в красном флигеле, похожем не то на маленький замок, не то на комод, Чехов пишет повесть о степи.

«В РОССИИ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ПЕРВОКЛАССНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

Чехову хотелось, чтобы читатель полюбил степь, как любил ее он сам, когда в детстве ехал на волах и, лежа в телеге на снопе сена, смотрел на летнее небо.

Чехов отправился в Таганрог, чтобы увидеть вновь место действия будущей повести.

Он не был в Таганроге восемь лет. Город показался ему заживо погребенным. Здесь обитали те же люди: гимназический инспектор Дьяконов, тонкий и неслышный, в колени коровых брючках и в картузе, плоском, как сковорода; дядя Митрофан Георгиевич — днем он торговал в лавочке, вечером,

надев большую медаль, отправлялся в церковь; дальний родственник И. И. Лобода, которого Чехов узнал по красному мясистому затылку...

Дом, в котором раньше жила семья Чеховых, был пуст и заброшен. Чехов глядел на него и чувствовал одно только отвращение. Как можно было жить в этом городе!

«Я мог убедиться, — писал Чехов с родины, — как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески и есть даже «Трактир Расия».

Из Таганрога Чехов отправился в степь, на знакомые с детства

хутора. Здесь Чехов живет в казацком домике, заполненном оружием, точно охотничий магазин. Ночует на глухих железнодорожных станциях. Охотится на дудаков. Выступает шафером на свадьбе, которую подробно, с чисто чеховским юмором, описывает в одном из писем к сестре:

«Вчера и третьего дня была свадьба, настоящая казацкая, с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой...

Невесте 16 лет...

Я шаферствовал в чужой фразной паре, в широчайших штанах и без одной запонки — в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффектнее всех...

Вероятно благодаря моему пьяному состоянию, здешние девицы нашли, что я остроумен и «насмешники». Девицы здесь — сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: «у, негодный!», причем не переставала сохранять испуганное выражение лица».

Заглянул Чехов и в маленькие городки:

«Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск... Город — нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часо-

Дом д-ра Я. А. Корнеева на Кудринской-Садовой в Москве, где жил А. П. Чехов в конце восьмидесятых годов. С картины худ. А. В. Средина.

вой магазин, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешены афиши зверинца... Дома выглядят приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек, мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармоника»...

Вернувшись в Москву, Чехов пишет «Степь». Он ищет слова теплые, нежные, проникающие в душу, слова, которые рассказали бы читателю не только о степи, но и о том счастье, что дала она ему в детстве.

«В России появился новый первоклассный писатель!» воскликнул по прочтении «Степи» известный беллетрист Гаршин.

Псевдоним свой Чехов упразднил. Антоша Чехонте отошел в прошлое. В русскую литературу вступил Антон Чехов.

Глава IV

ПОЕЗДКА НА САХАЛИН

За «Степью» появились другие произведения Чехова — драма «Иванов», водевиль «Предложение», повесть «Скучная история», новые рассказы.

Они принесли Чехову широкую известность. Некоторые критики продолжают упорно не признавать молодого писателя. Но для читателя и театрального зрителя он уже один из любимых авторов.

Известность приносит Чехову и деньги. Жестокая борьба за рубли и копейки, на которую часто сетовал молодой Чехов, была теперь позади.

Чехов мог праздновать победу. Но именно в эту пору он оказался охваченным горькими раздумьями и большой, глубокой печалью.

«Всем скверно живется. Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрызг и пошлостей, мешающихся и чередующихся».

Так жаловался Чехов в одном из своих писем.

То были жалобы не на личные горести и печали. Не то более серьезное и важное преследовало в них. В Чехове происходил болезненный перелом. И перелом этот был связан с теми настроениями, которыми была заражена значительная часть русского общества.

Шли 80-е годы — глухие годы реакции. Подъем революционной волны сменился спадом. Вожди революционной организации «Народная воля», участники покушения на Александра II, были казнены. Страной правил властный черносотенец Победоносцев.

Среди интеллигенции царила растерянность и уныние. Прежняя вера в революцию, которой жила передовая часть русской интеллигенции

в 60—70-х годах, теперь таяла. Известный социалист Тихомиров написал царю покаянное письмо и перешел на службу к монархистам. Печать была беспомощна перед карандашом царских цензоров.

Лучшие представители интеллигенции сдавались под гнетом действительности. Гибли талантливейшие писатели. Сошел с ума Глеб Успенский. Всеволод Гаршин, тот, кто одним из первых приветствовал чеховский талант, покончил с собой, бросившись в пролет лестницы.

«Интересно, что за неделю до смерти, — писал Чехов по поводу самоубийства Гаршина, — он знал, что бросится в пролет лестницы, и готовился к этому концу. Невыносимая жизнь! А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная...»

Неладное творилось и со многими ближайшими друзьями Чехова. «С беднягой творится что-то недоброе», сообщал Чехов в эти дни о художнике Левитане. Чехов не ошибся: Левитан вскоре покушается на самоубийство.

Еще несколько лет назад Чехов пытался победить русскую жизнь смехом. Но этого не смог и он, юморист Антоша Чехонте. Смех его теперь звучал все заглушеннее, все более уступал печали. Рядом с «Лошадиной фамилией» появилась «Тоска». Сборник ранних своих вещей Чехов назвал «Пестрыми рассказами». А уже следующим сборникам Чехов дал такие названия: «В сумерках», «Хмурые люди».

«Я, — признавался Чехов, — не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее».

Он искал утешения в философии. Сочинение древнего философа Марка Аврелия «Размышления наедине с собой» становится любимой книгой недавно беззаботного сочинителя

«снетков». На полях «Размышлений» появляются многочисленные чеховские пометки.

«Все человеческое преходяще и ничтожно: вчера — это мыльный пузырь, завтра — это какая-то разодетая мумия, которая вдруг рассыпется прахом».

Так писал Марк Аврелий, и строки эти находили глубокий отклик в душе Чехова. От горькой философии Марка Аврелия обращался Чехов к учению Льва Толстого. Великий писатель отрицал политическую борьбу и проповедывал нравственное самосовершенствование как единственный путь к счастью человечества.

Это была реакционная философия, и она владела Чеховым несколько лет.

Но Чехов все же понимал, что в конце концов это тупик. Он видел, как люди, отказываясь от политической борьбы во имя личного усовершенствования, на самом деле жалким образом приспособлялись к российской действительности. Ко многим из них могли быть отнесены предсмертные слова писателя Косоротова, покончившего с собой выстрелом из револьвера:

«Горько подумать, чем бы мог быть и какой ошипанной сволочью сходить в могилу».

Чехов ищет выхода в практическом деле и в науке. А науку он понимал прежде всего как подвиг.

В 1888 году умер знаменитый русский путешественник Пржевальский, умер далеко от родины, в пустыне. Чехов откликнулся на смерть Пржевальского взволнованной статьей. Бессильным и изверившимся интеллигентам он противопоставил людей подвига. Чехов писал о том, что один Пржевальский или один Стэнли стоят сотни хороших книг. Эти люди воодушевлены высокой идеей, благородны, упорны, способны побеждать все лишения и опасности, готовы отказываться от личного счастья, богаты знаниями, трудолюбивы, привычны к знанию и хо-

лоду, к тоске по родине и изнурительным лихорадкам. Вера их в науку непоколебима.

«Недаром,— писал Чехов,— Пржевальского, Миклуху-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник, и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды».

Чехов был далек от того, чтобы причислять себя к людям подвига, о которых сказал, что они нужны человечеству, как солнце. Не было у него ни твердой воли, ни ясной цели, ни выносливости, и он сам с грустью это признавал. Но и существование людей вокруг него — ленивых, равнодушных, боящихся жизни, прячущихся от борьбы — все более казалось Чехову жалким и страдания их — грошовыми.

И Чехов решил поехать в такую экспедицию, в которой можно было бы исправить не только географическую карту, но и общественное зло.

Ранней весной 1890 года Чехов сообщал в одном письме:

«Через 10—15 дней прилетают жаворонки. Но увы! — наступающая весна кажется мне чужою, ибо я от нее уеду».

Уезжал Чехов далеко — на Сахалин. Решение это он принял как-то сразу, неожиданно для всех. Друзья сперва не понимали, шутит ли Чехов или же на самом деле собирается ехать.

В те времена Сахалин был царской каторгой. На далекий остров пригоняли преступников со всех концов России. Сибирская дорога еще не была проведена, и закованные в кандалы каторжники шли пешком через всю Сибирь, шли месяцы, годы... На Сахалине их ждали красноносые смотрители, порка, непосильный труд... Те, кто ссылались на срок, жили мыслью о родине, о свободе. Но с Сахалина ссыльные возвращались редко: их гноили в тюрьмах, заражали болезнями, забивали плетью до смерти. Многих

Семья Чеховых в Москве, во дворе дома Корнеева (1889 г.). В первом ряду (слева направо): М. П. Чехов, А. П. Чехов. Во втором ряду: А. А. Лесова, Л. С. Мизинова, М. П. Чехова, Е. Я. Чехова, Сережа Киселев. В третьем ряду: А. И. Иваненко, И. П. Чехов, П. Е. Чехов.

Пост Александровск на Сахалине, где жил А. П. Чехов.

похлебки на постоянных дворах, города, которые поразили Чехова «азиатским беспорядком». Чехов обгонял партии ссыльных — они шли в сопровождении конвоиров. А на встречу попадались бродяги с котелками за спиной — может быть, беглые с Сахалина...

Стояло половодье, дороги залило, тарантасик въезжал в озеро. При переправе через реку Томь Чехов чуть не потонул. Путешествие походило на затяжную болезнь. От ветра и дождя лицо Чехова покрылось точно рыбьей чешуей.

За Красноярском начались лесные пожары.

Сотни верст тарантасик Чехова ехал через горячую мглу.

На Сахалине Чехов пробыл три месяца. Работал он здесь с поразительным напряжением. Вставал ежедневно на рассвете, дорожил каждой минутой.

Чехов переписал все сахалинское население. Для этого пришлось изъездить весь остров, посетить каждое селение, зайти в каждую избу,

побеседовать с каждым каторжником и поселенцем.

Среди сахалинских стариков до наших дней сохранилась смутная память о писателе, который приезжал к ним из России: он говорил с ссыльными, как с людьми, и это казалось странным, почти чудесным...

Сахалин насчитывал десять тысяч жителей, и Чехов заполнил десять тысяч статистических карточек. Это были десять тысяч жизней, униженных до последнего предела. Ведь на Сахалине страдали не одни только каторжники. И вольные поселенцы говорили о Сахалине: «Кругом море, а в середине горе»...

Сахалин предстал перед Чеховым настоящим адом. Царские чиновники на острове безнаказанно совершали преступления более тяжкие, чем те, из-за которых осужденные шли на каторгу. Но вина за «сахалинский ад» падала не на одних тамошних чиновников, а на весь царский режим.

В Россию Чехов вернулся морским путем, обогнув Индию и про-

плыв Суэцкий канал. Мрачные сахалинские картины сменились пейзажами, о которых мечтал он когда-то в таганрогском домике за чтением «Фрегата Паллады». Он пересек Индийский океан и Красное море, побывал в Гонгконге и Сингапуре, в посиделке совершил поездку сквозь пальмовые леса Цейлона. Купаясь в океане, Чехов видел рыб-лоцманов и приближавшуюся к нему акулу.

В Китайском море пароход попал в тайфун, и Чехов держал уже наготове револьвер, чтобы покончить с собой, если пароход пойдет ко дну...

После восьми месяцев отсутствия Чехов вернулся в Москву. Младший брат Антона Павловича выехал ему навстречу в Тулу. Он застал Чехова в вокзальном буфете. Густая толпа окружала столик, за которым сидел Чехов. С изумлением глядела публи-

ка на чеховского спутника — странного человека с плоским, широким лицом и в одежде нелепешего покроя — и на еще более странных двух зверьков, заглядывавших в тарелки обедающих.

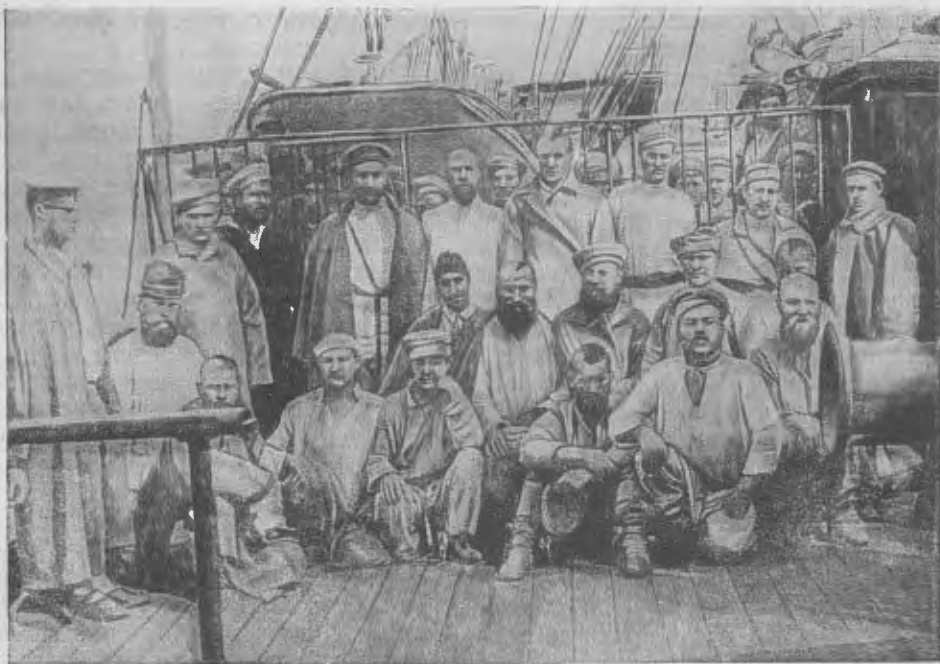
— Это индеец? — слышались вопросы. — А это обезьяны?

Индеец оказался священником с Сахалина, бурятом, приехавшим в Россию вместе с Чеховым. А обезьяны — мангусами, которых Чехов вывез с Цейлона.

Чехов поселил мангусов у себя на квартире.

Они сразу почувствовали себя хозяевами дома: совали свою острую мордочку в каждую щелку, перелистывали книги, заглядывали сверху в горящую лампу, погружали носы в стаканы с чаем, выворачивали перчатки.

Мангусов сперва терпели. Но вскоре выяснилось, что один из ман-

Группа каторжников на пароходе. Из фотографий, привезенных А. П. Чеховым с Сахалина.

гусов — дикая пальмовая кошка, которую Чехову всучили на Цейлоне вместо мангуса. Пальмовая кошка оказалась очень злобным существом. Особенно ненавидела она почему-то полотеров. Как только они начинали натирать полы, кошка выскакивала из-под шкафа и вцеплялась полотеру в ногу.

Чехову пришлось в конце концов отдать обоих зверьков в зоологический сад.

О своей поездке Чехов написал большую книгу — «Остров Сахалин». В ней Чехов, может быть, сам того вполне не сознавая, вынес суровый приговор царскому режиму: до того была тяжела и отвратительна нарисованная им картина.

А. П. Чехов (справа) с мангусом на пароходе.

Глава V

В МЕЛИХОВСКОМ УГЛУ

Поездка на Сахалин потребовала от Чехова большого напряжения. Все чаще теперь жаловался он на нездоровье.

В шутку Чехов говорил, что «рас-

сохся, как старый шкаф», и в этой шутке слышалась новая, не свойственная ранее Чехову тревога. Надо было что-то предпринимать.

Чехов решает оставить Москву и поселиться в деревне.

Какой-то разорившийся художник продавал именье по соседству с деревней Мелихово, верстах в ста от Москвы, и Чехов торопливо, почти не глядя, купил его.

Не одна болезнь гнала Чехова из Москвы. Он мечтал о письменном столе и книгах, о неотрывной работе. Много накопилось в нем, многое надо было написать, и Чехов искал одиночества.

*Воскресенье 10-го
Ночь что из-за этого закончить*

*Вчера получил от Лавровского
Материалы на Сахалин
о котором писал несколько
от (А. П. Чехов) 10-го*

*Вчера 10-го
Вчера 10-го*

Материалы, переданные А. П. Чехову на Сахалине одним из ссыльных.

Разорившийся художник оказался мошенником. Вместо леса, торчали одни пни, скотина была заморена голодом, сошедший снег открыл унылые пустыри. Чехов переселился в Мелихово вместе с родными, и чеховская семья принялась устраивать свой новый угол.

Переделали заново дом, вырыли большой пруд, и он вскоре стал походить на аквариум — столчко в него напустили разных рыбок, привезенных в банках из Москвы... На высоких деревьях были повешены скворешни с юмористическими надписями: «Братья Скворцовы» и «Питейный дом». А по двору гуляли кофейного цвета египетские голуби. Они напоминали о далеких време-

нах, когда Чехов запускал голубей с таганрогских крыш...

На первых порах все увлекало Чехова в Мелихове. Более всего нравилось ему сажать деревья и ухаживать за ними. В своих воспоминаниях о Мелихове одна приятельница чеховской семьи заметила: «У всех Чеховых есть одно замечательное свойство: их слушаются цветы и растения, и все, что бы они ни посадили, принимается хорошо».

В саду посадили фруктовые деревья, стали из семян выращивать ели и сосны, устроили клумбы чудесных тюльпанов. Чехов полюбил здесь каждую аллею и каждое дерево. Он водил гостей по саду и говорил: «Вот эти сосны особенно хороши

на закате, а этот дуб надо смотреть в сумерки».

Мелиховский сад навеял Чехову в рассказе «Черный монах» строки об «удивительных розах» и «тюльпанах всевозможных цветов, начиная с ярко-белого и кончая черным, как сажа». А о своей любви к деревьям, к лесу Чехов рассказал в пьесе «Дядя Ваня».

«Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что, если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью».

Так говорит один из героев пьесы — Астров, врач, увлекающийся более насаждением лесов, чем медициной. Какой-то частью собственной души наделил Астрова Чехов.

Терраса дома в Мелихове. Рис. Мих. П. Чехова.
Публикуется впервые.

Но сосны, тюльпаны, голуби, пруд — все было только отдыхом. В комнате с большими окнами, к которым в снежную зиму подбегали зайцы, Чехов устроил свой кабинет. На библиотечных полках перемешались беллетристика и медицина; на столе фигурки из бронзы и слоновой кости японской работы напоминали о недавнем путешествии Чехова на Дальний Восток; стену украшал портрет Толстого — любимого писателя Чехова.

В этой комнате Чехов написал ряд своих лучших произведений. Сперва появилась «Палата № 6», повесть о трагической судьбе провинциального доктора Рагина, которого за-
садили в сумасшедший дом только
потому, что он был честен и умен.

Повесть произвела большое впечатление на русское общество. Читатели угадали ее подлинный смысл: больница, куда посадили Рагина,
походила на тюрьму, и тюрьма эта —

на всю страну, которой управляли
чиновники, такие же тупые, грубые
и невежественные, как те, в чьих
руках оказалась судьба доктора Ра-
гина.

Среди читателей «Палаты № 6» был и В. И. Ленин.

«Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, — сказал Ленин своей сестре, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». (Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой.)

Вслед за «Палатой № 6» Чехов создает в Мелихове «Мою жизнь» и «Дом с мезонином».

Чехова отрывали от работы наезжавшие в Мелихово гости. Лика Мизинова, близкий друг чеховской семьи, садилась за рояль и пела «Валахскую легенду» Брага, писатель Потапенко играл на скрипке... В памяти мелиховских гостей сохрани-

В мелиховском саду П. Е. Чехов (отец писателя) за работой.

А. П. Чехов (справа) и старший брат Александр Павлович в Мелихове. Редкий снимок.

лось много веселых и милых часов, заполненных непрерывными шутками, прогулками к озеру, игрой по вечерам в лото...

Случалось, что Чехов внезапно исчезал с веранды или из столовой в свой кабинет.

— Написал на шестьдесят копеек! — говорил он с улыбкой, возвращаясь к гостям.

Мысль о писании не оставляла его ни на минуту.

Когда же гости укладывались спать и в доме гасли огни, в кабинете Чехова еще долго горела лампа. Потом и она гасла, но среди ночи в окне у Чехова снова появлялся свет: просыпаясь ночью, он садился за работу и часто писал до утра.

Мелихово имело своего «летописца». Отец Чехова, давно уже уступивший Антону Павловичу место главы семьи, смягчившийся, тихий, посвящал свой досуг чтению старых книг и писанию дневника. В большую книгу конторского образца заносил он изо дня в день все события

мелиховской жизни. Вот несколько строк из этой книги:

«Июль 2. Роса. Тихо. Можно назвать райским днем».

«Апрель 30. Антоша, Левитан и Маша пошли в лес. Гуляли до 10 час. вечера. Береза распускается».

«Апрель 18. Антоша поехал на тройке на станцию, а оттуда в Серпухов на собрание».

«Июнь 3. Антоша наловил много рыбы».

Иногда Чехов вставлял в дневник отца собственные, часто юмористические строки, вроде:

«Баран прыгает, Марьюшка радуется».

«Слава богу, все уехали и остались только двое: я и м-м Чехова».

«Мамаше снилась коза на горшке».

«МУЖИКИ»

Чехов никогда не отказывал во врачебной помощи крестьянам. С раннего утра приходили к нему больные. Чехов всегда внимательно их

В Мелихове. М. П. Чехова, А. П. Чехов, И. П. Чехов и М. П. Чехов.

выслушивал и осматривал, назначал лечение, давал лекарство. Больных было много, и Антону Павловичу на приеме помогала Ма-Па (так в шутку звал Чехов свою сестру Марию Павловну). Своей работой врача Чехов быстро завоевал доверие и любовь крестьян. Слухи о бескорыстном докторе и отзывчивом человеке, столь не похожем на обычного барина-помещика, распространились далеко за пределы Мелихова. Иногда к Антону Павловичу привозили на лошаденках больных за 20—30 верст. И всегда они находили помощь в мелиховской усадьбе. За год Чехов принимал у себя в Мелихове более тысячи больных.

Общение с крестьянами позволило Чехову поглубже заглянуть в их жизнь. Иногда Чехов на многие недели бросал начатый было рассказ,

чтобы целиком отдаться работе врача и общественного деятеля.

Так было, например, в 1892 году, когда в стране вспыхнула холера. В начале этого года, после недорода, начался голод; один из тех голодов, которые так часто охватывали нищее крестьянство царской России. Чехов (это было еще до его поселения в Мелихове) отправился в голодающие губернии — Нижегородскую и Воронежскую, чтобы на месте помочь крестьянам. Он видел мужиков, которые ели одну лебеду. И он видел буржуазных благотворителей — они устраивали торжественные обеды и любительские спектакли, но отказывались устроить столовые для голодающих; так как «картина голода» им чем-то «не понравилась». Это возмущало Чехова. Сам он делал, что мог. В жестокие

холода разъезжал он по голодающим деревням, скупал лошадей для раздачи крестьянам и однажды едва не погиб, попав в метель и сбившись с дороги.

За голодом пришла холера. Она подступила и к Мелихову. Чехов разъезжал по соседним деревням, устраивал бараки для больных, читал крестьянам лекции о борьбе с холерой.

Общественная деятельность Чехова не ограничивалась одной медициной. Он строил школы, проводил дороги, участвовал в народной переписи. В чеховских записных книжках все чаще появлялись теперь заметки о крестьянах, о деревенской жизни. В них было мало радостного. Чехов видел деревню, как она была на самом деле, во всей ее нищете, невежестве и рабской зависимости.

Флигель в Мелихове, где Чеховым была написана «Чайка».

В Мелихове Чехов написал повесть «Мужики» — одно из самых замечательных произведений в русской литературе о дореволюционной деревне.

«ЧАЙКА» ОСВИСТАНА

В годы мелиховской жизни Чехову пришлось пережить тяжелый удар.

В одном письме из Мелихова Чехов рассказывал:

«У меня гостит художник Левитан. Вчера вечером был с ним на тяге. Он выстрелил в вальдшнепа; сей, подстреленный в крыло, упал в лужу. Я поднял его: длинный нос, большие черные глаза и прекрасная одежда. Смотрит с удивлением. Что с ним делать? Левитан морщится, закрывает глаза и просит с дрожью в голосе: «Голубчик, ударь его головкой по ложу»... Я говорю: не могу. Он продолжает нервно пожимать плечами, вздрагивать головой и просить. А вальдшнеп продолжает смотреть с удивлением. Пришлось послушаться Левитана и убить его. Одним красивым влюбленным созданием стало меньше, а два дурака вернулись домой и сели ужинать...»

Случай с раненой птицей запомнился Чехову. В маленьком флигеле во дворе мелиховского дома Чехов написал пьесу, которую назвал «Чайкой». В ней, между прочим, есть такая сцена:

«Треплев (входит без шляпы, с ружьем и убитой чайкой). Вы одни здесь?

Нина. Одна. (Треплев кладет у ее ног чайку.)

Нина. Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног».

В «Чайке» Чехов описывал близких ему людей, рассказывал о своих затаенных чувствах.

«Много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви», охарактеризовал пьесу Чехов. Она казалась ему «странной», но он любил «Чайку».

Поставили «Чайку» в Петербурге, на сцене Александринского театра. Чехов приехал в Петербург на репетиции.

— Главное, голубчики, — говорил он актерам, — не надо театральности... Просто все надо... Совсем просто...

Но большинство актеров пьесы не понимало. И еще менее поняла ее публика на первом представлении — петербургская чиновничья и купеческая публика. Она явилась в театр посмеяться («Чайка» шла в бенефис комической актрисы Левкеевой, выступавшей в водевиле после чеховской пьесы). Тонкая поэзия «Чайки» показалась нелепой. Пьесу освистали, актеров все время прерывали насмешливыми замечаниями из зрительного зала.

Это был провал. Артисты растерялись и с трудом, кое-как доиграли пьесу. Автор из театра исчез. Долго бродил он в ту ночь один по петербургским улицам...

Назавтра все газеты сообщали о неслыханном театральном скандале. Газетчики издевались над пьесой Чехова, называя ее «птичьей пьесой», «нелепицей в лицах», «не «Чайкой», а просто дичью».

В одном газетном отчете говорилось: «Точно миллионы пчел, ос, шмелей наполнили воздух зрительного зала. Так сильно ядовито было шиканье».

В тот же день Чехов уехал в Москву.

— Конечно, — сказал он, стоя на площадке вагона. — Больше пьес писать не буду.

Пьесы Чехов потом все же писал. Но боль, испытанную в день провала «Чайки», он забыл не скоро.

А вслед за «происшествием», как назвал Чехов первое представление «Чайки» в Александринском театре, произошло другое печальное событие.

В один из приездов из Мелихова в Москву Чехов пошел обедать в ресторан. Внезапно за столом у Чехова хлынула кровь горлом. Его отвезли в больницу. Врачи назвали болезнь, которой Чехов был болен уже давно, но в которой он не решался признаться самому себе. Это была чахотка.

Его отправили за границу лечиться. Накануне отъезда Чехов в беседе с одним знакомым говорил о смерти.

Вероятно, он понимал, что жить осталось ему немного.

А. П. Чехов, обстреливаемый критиками. Карикатура из журнала «Осколки».

Глава VI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ДЕЛО ДРЕЙФУСА

Чехов поселился во Франции, на берегу Средиземного моря, в Ницце.

Многое здесь нравилось ему — нравилось тепло, уличные певцы, море, которое казалось «ласковым, трогательным»...

Но писать за чужим столом, в чужой комнате было трудно. А домой возвращаться нельзя было — у Чехова продолжалось кровохарканье.

«Я раз видел его за работой, — рассказывает писатель Вас. Немирович-Данченко, живший в то время в Ницце: — У него все тонуло во мраке. Только и было свету, что под зеленым абажуром небольшой лампы посередине. Начатый лист бумаги. Всплываю: в потемках, в углу едва мерещится Антон Павлович.

— Сейчас...

Встал, подошел к столу, вычеркнул строчку и опять в свой угол. Я хотел уйти.

— Погодите.

Две-три минуты, опять Чехов у стола, наскоро набросал что-то...

— Сегодня трудно пишется...

Ужасно легко думать, что именно напишешь. Кажется, всего и остается переписать. А тут-то и пойдет московская мостовая. О каждый булыжник спотыкаешься. А иногда вдруг, как по рельсам, целые страницы!

Время, когда Чехов мог писать шутя, по рассказу в день, ушло далеко. Писание превращалось в медленный, подчас мучительный труд.

Как и всюду, Чехов читал множество газет. На время здесь, в Ницце, газеты целиком поглотили Чехова. В них печатались отчеты о судебном деле Дрейфуса. Это был процесс, который привлек к себе внимание всего мира.

Офицер французского генерального штаба Альфред Дрейфус, еврей

по национальности, был заподозрен в государственной измене. Его предали суду на основании каких-то таинственных документов, будто бы изобличивших Дрейфуса. Суд приговорил Дрейфуса к пожизненной ссылке в Кайенну на каторгу.

Дрейфус был невиновен. На защиту его выступил знаменитый французский писатель Эмиль Зола. Он опубликовал открытое письмо под названием: «Я обвиняю». Зола обвинял правительство в подлогах, совершенных для того, чтобы засудить Дрейфуса. За это правительство привлекло к суду и самого Зола.

Общественное мнение всей Европы разделилось на две партии: все, что было честного в буржуазном обществе, поддерживало Зола и требовало освобождения Дрейфуса. Наоборот, монархисты и контрреволюционеры во всех странах бесстыдно травили Дрейфуса потому, что он был евреем, и нападали на Зола потому, что он мужественно защищал Дрейфуса.

«Я каждый день глотаю по жабе», сказал Зола о монархических газетах.

Среди них особенно отличались русские газеты, и больше всего «Новое время».

В молодости Чехов печатал в этой газете свои рассказы. С издателем «Нового времени», известным правым журналистом А. С. Сувориным, Чехов долгое время дружил.

Теперь многое во взглядах Чехова изменилось. Поведение «Нового времени» показалось ему гнусным, роль Суворина — позорной.

Чехов порывает со «стариком», как называл он Суворина, и с его «зверинцем», как называл он отныне «Новое время».

Это был важный момент в жизни Чехова. Надо было выбирать между двумя лагерями, и Чехов оказался в

одном лагере с честным писателем Зола, а не вместе с монархическим журналистом Сувориным.

ОДИНОЧЕСТВО

Его тянуло назад в Россию, но врачи разрешали Чехову жить только на юге.

Он переселился в Крым, в Ялту. На голом, каменистом участке Чехов построил для себя небольшую дачу, белую и легкую, и окружил ее густым садом. Чехов возобновил жизнь, внешне похожую на мелиховскую, уединенную жизнь человека, который работал за письменным столом, а отдыхал, ухаживая за деревьями в саду.

— Послушайте, — сказал Чехов одному писателю, — при мне же здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого. Но и это не важно.

А. П. Чехов. Портрет худ. Браза.

А. П. Чехов в Третьяковской галерее у своего портрета. Карикатура худ. А. А. Хотяинцевой.

Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место...

Но все же то был уже не Чехов мелиховских лет. Он, как и прежде, выращивал деревья, хлопотал о больницах и школах, но делал все это без прежнего увлечения. Чехов был теперь очень болен и очень одинок.

Крым и Ялту он не любил. Все казалось здесь Чехову чуждым: жирная, точно лакированная зелень, грязная пристань, множество гостиниц и парикмахерских и, главное, праздная толпа, «рожи бездельников-богачей», как выразился Чехов в одном письме.

«Погода здесь великолепная, но ведь это только соус, а к

Дача А. П. Чехова в Ялте.

чему мне соус, если нет мяса?» жаловался Чехов.

Он тосковал по Москве, близким людям, театру...

День проходил в работе, если не мешали посетители. Чехов был уже знаменит, и на дачу к нему ходили, как на курортную экскурсию. Одни за другими являлись к Чехову шуршащие платьями дамы, помещики в вышитых рубахах навывпуск, восторженные гимназистки, провинциальные актеры с сизыми щеками, опять дамы...

А вечером он оставался один, и болезнь валила его в постель. Он лежал и думал о том, что сейчас еще рано и в это время в Москве идет только второй акт его пьесы.

Пьесы его шли в Художественном театре. Молодой, только что возникший театр поставил сперва «Чайку». Пьеса, провалившаяся в

Петербурге на казенной сцене, имела в Художественном театре шумный успех. Рана, нанесенная несколько лет назад Чехову, была залечена. Но «Чайка» дала жизнь и новому театру, которому суждено было сыграть столь большую роль в мировом искусстве. «Чайку» театр избрал своей эмблемой, своим знаком. Художественный театр отныне называли театром Чехова, а Чехов стал драматургом Художественного театра — все вновь написанные им пьесы ставились в Художественном театре.

В Москве шли «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», а Чехов был в Ялте, не мог видеть свои пьесы, потому что болезнь держала его в Крыму.

А потом к желанию увидеть в Художественном театре свои пьесы прибавилось желание видеть и одну из артисток этого театра.

«Артистка О. Л. Книппер, пожирающая чеховские рассказы и чеховскую сметану». Шуточная фотография.

Однажды телеграфист в Ялте принял такую телеграмму в Москву: «Вы добрая и умная славенька кричат птицы моем саду расцвела камелия».

Телеграмма была адресована Ольге Леонардовне Книппер, артистке Художественного театра, и датирована 1900 годом.

Через год Книппер стала женой Чехова.

Судьба сложилась неудачно: Чехов должен был жить в Ялте из-за болезни, Книппер должна была жить в Москве из-за театра; так они и виделись урывками в те немногие недели, когда Чехов, рискуя здоровьем, вырывался в Москву или когда

театр отпуская О. Л. Книппер в Ялту.

И Чехов еще больше не взлюбил Ялту. Он чувствовал себя на положении заключенного. Ялту он называл «парикмахерским городом», а Крым — «чортовым островом».

НЕПРЕСТАННЫЙ ТРУД

Болезнь, одиночество, тоска подрывали силы Чехова. Но он работал и становился все требовательнее к своим писаниям.

Вся жизнь Чехова подчинялась писательскому труду.

Он всегда наблюдал окружающее или обдумывал уже написанные на черной строки.

«В этом человеке, — пишет один знавший его литератор, — помимо всего, что он творил, явно всегда тлела особая внутренняя работа».

А другой свидетель добавляет:

«Чувствовалось, что он наблюдает постоянно и ненасытно: как фотографические аппараты, его органы чувств мгновенно закрепляли в памяти редкие сценки, выражения, факты, разговоры, краски, звуки, запахи».

Многое из подмеченного кругом себя Чехов заносил в записную книжку, делая пометки, где придется, — дома, за обедом, ночью, на ступеньках крыльца (он особенно любил сидеть полночь на ступеньках крыльца), на лодке, в поле, гуляя...

Когда записной книжки под рукой не оказывалось, записывал на чем попало — на клочке бумаги, чужой визитной карточке...

Иные замыслы Чехов обдумывал много лет. В Ялте Чехов написал небольшой рассказ «Архиерей». Сюжет рассказа, по признанию самого Чехова, «сидел у него в голове лет 15». А ведь писательский труд Чехова всего насчитывает 25 лет!

Строки из записных книжек потом превращались в наброски к будущим рассказам или повестям. За-

тем они сливались в одно — в черновик, кругом покрытый исправлениями, вставками, знаками...

Наступала кропотливая работа, которую Чехов называл «рисованием», потому что он любил править разноцветными чернилами.

— Надо писать просто, — твердил Чехов.

Сам он хорошо знал, что писать просто — труднее всего.

Чехов добивался, чтобы в рассказе не было ни одного ненужного слова. И он безжалостно зачеркивал все, что казалось ему лишним.

Свою работу он объяснял так:

— Чтобы из куска мрамора получить лицо, надо удалить из него все, что не есть лицо.

Одному начинающему писателю Чехов сказал:

— Знаете, как нужно писать, чтобы вышла хорошая повесть? Вот как на военном корабле на палубе: там нет ничего лишнего, — так следует делать и в рассказе...

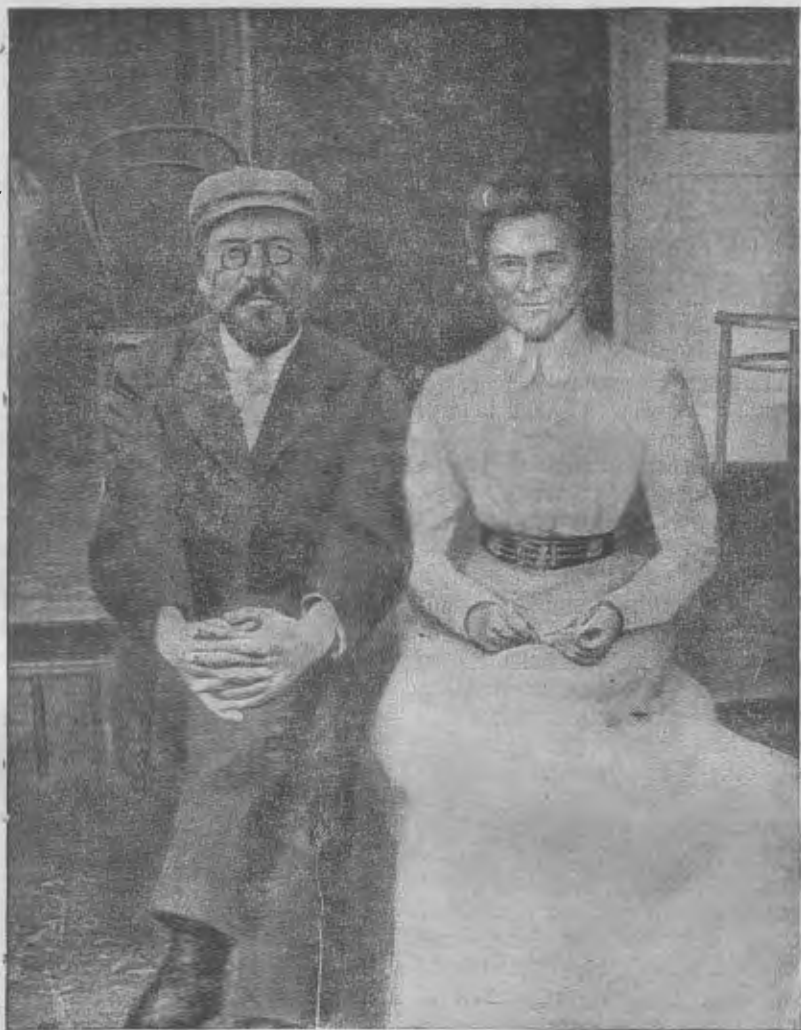
Чехов добивался такой краткости и выразительности, чтобы иная фраза могла заменить целую страницу длинных описаний. Часто он зачеркивал в рукописи большие куски и вместо них вставлял два-три счастливо найденных слова.

«Краткость — сестра таланта», заметил он как-то.

И радовался, когда находил эту краткость у других — у французского писателя Мопассана или у Лермонтова, которого Чехов особенно любил.

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — говорил он не раз. — Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, частям предложения... Так бы и учился писать...»

Чехов достиг замечательного мастерства, и вещи его не уступали по мастерству повестям Лермонтова и рассказам Мопассана. Но сам он часто оставался недоволен и вновь принимался за работу над казалось бы уже законченным произведением.

А. П. Чехов и О. Л. Книппер.

«Художник должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить».

«Каждый день непременно надо работать».

Такие замечания ронял Чехов в беседах со знакомыми писателями. Это были не пустые фразы. Постоянный труд заполнял жизнь Чехова, и потому искусство Чехова с каждым годом становилось все тоньше, выразительнее, глубже.

Хорошо о Чехове сказал Лев Толстой:

«Он странный писатель: бросает слова как будто некстати, а между тем все у него живет. И сколько ума! Никогда у него нет лишних подробностей, всякая или нужна, или прекрасна».

Толстой называл Чехова «Пушкиным в прозе».

А Горький добавлял: «Как стилист Чехов недосыгаем».

НА ЗАЩИТУ ГОРЬКОГО

Одиночество Чехова в Ялте скрашивалось в дни встреч с людьми, которые были ему дороги или интересны. Одно время по соседству с Ялтой, в Гаспре, жил Лев Толстой.

Перед Толстым Чехов всю жизнь преклонялся, как перед великим художником. Еще в мелиховскую пору Чехов ездил к Толстому в Ясную Поляну. И теперь вновь с волнением отправлялся он к писателю, о котором он однажды сказал:

«Ни одного человека не люблю так, как его».

В воспоминаниях писателя И. А. Бунина есть рассказ о том, как однажды Антон Павлович собирался к Толстому. Чехов «чуть не час решал, в каких штанах поехать к Толстому. Сбросил пенсне, помолодел и, мешая по своему обыкновению шутку с тем серьезным, что было в душе, все выходил из спальни то в одних, то в других штанах.

— Нет, эти неприлично узки! — говорил он. — Подумает: шелкопер!

И шел надевать другие и опять выходил, смеясь:

— А эти шириной с Черное море! Подумает: нахал...»

В Гаспре Чехов много беседовал с Толстым наедине. И, выходя от Толстого, был особенно серьезен и молчалив.

К счастью, и на дачу к Чехову иногда приходили не посетители,

а друзья. Одним из желанных гостей был молодой Максим Горький.

С интересом и сочувствием следил Чехов за работой Горького.

Незадолго до своей смерти Чехов выступил на защиту Горького. Это был знаменитый «академический инцидент».

В 1902 году Академия наук избрала Максима Горького своим почетным членом. Избрание Горького, пролетария и революционера, непрестанно арестовывавшегося и ссылавшегося, возмутило правительственные круги. О выборах было доложено Николаю II. Царь наложил такую резолюцию:

«Более чем оригинально».

Этого было достаточно для того, чтобы объявить выборы недействительными. Императорская Академия трусливо смолчала.

Но двое почетных академиков не смолчали. Это были писатели Владимир Короленко и Антон Чехов. Они заявили протест и демонстративно отказались от звания академиков.

«ВСЕ КОНЧЕНО»

Выступление Чехова на защиту Горького было неслучайным.

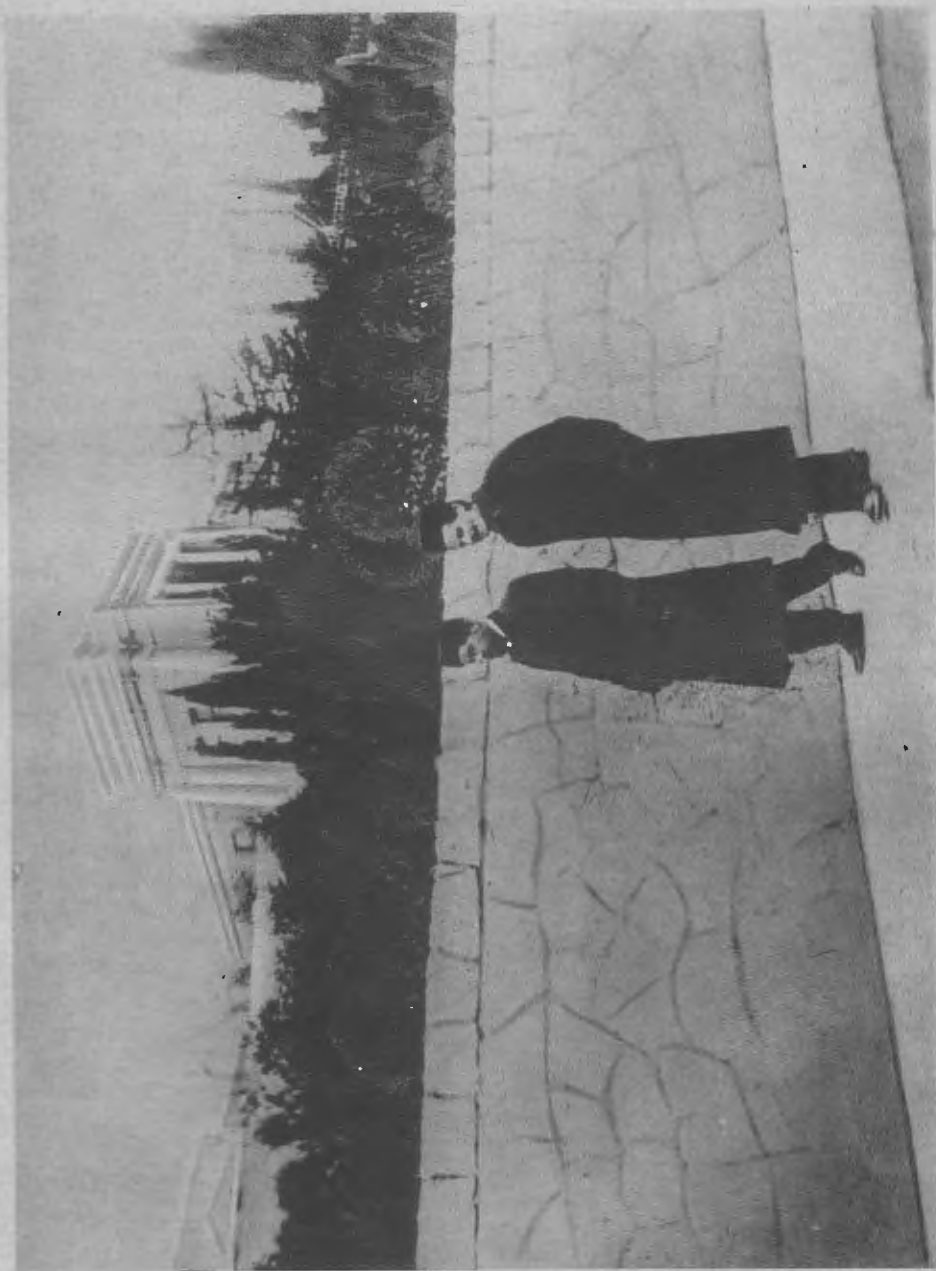
Близились революционные события 1905 года. В Москве, Киеве и других городах произошли большие революционные демонстрации. Крестьяне на Украине жгли помещичьи усадьбы. Всеобщая за-

Январь

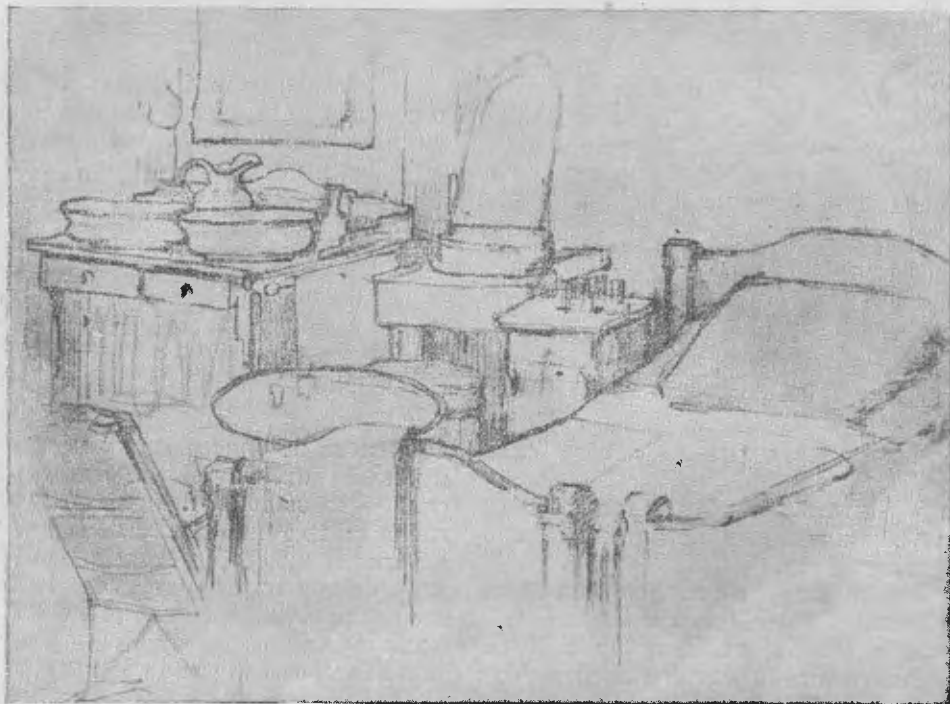
16 января об уходе в почтовую академию. ~~И. П. Чехов~~

17 января

Записи А. П. Чехова в дневнике (Ялта).

А. П. Чехов и М. Горький на улице в Ялте.

Комната в гостинице в Баденвейлере, где умер А. П. Чехов.

бастовка охватила весь юг России.

Отзвуки этих событий доносились до ялтинской дачи. Чехов заражался новыми настроениями.

— Пережили мы серую канитель, — говорил он. — Поворот идет... Вот вы посмотрите, что будет года через два-три... Не узнаете России...

Прежняя мягкость и терпимость в нем исчезала, когда он теперь заговаривал о тех, кто правил Россией.

— Да вы еще не знаете, что они за подлецы! — восклицал он.

Прежние свои писания кажутся теперь Чехову «устаревшими». Он ищет новые слова — бодрые и радостные.

Чехов находит их в последних своих произведениях — рассказе «Невеста» и пьесе «Вишневый сад».

17 января 1904 года, в день рождения Чехова, «Вишневый сад» впервые

был поставлен на сцене Художественного театра. Театр решил чествовать своего любимого автора.

Мертвенно бледный и худой стоял Чехов на сцене. Его приветствовали тягучими речами. Чехов хмурился, и многим чествование показалось похожим на похороны.

Они не ошибались. Здоровье Чехова ухудшалось с каждым днем. Врачи посоветовали Чехову ехать за границу.

— Умирать еду, — сказал он на прощание писателю Н. Д. Телешеву. — Все кончено. Больше уже не встретимся.

И он протянул ему слабую, восковую руку.

Жена отвезла Чехова в Германию, на курорт Баденвейлер.

В один из вечеров Чехов почувствовал себя легче. Он начал придумывать веселый рассказ, описывая модный курорт, где здоровые,

краснощекие англичане и американцы возвращаются с прогулки в гостиницу к ужину и вдруг оказывается, что повар сбежал и никакого ужина нет...

В начале ночи Чехов проснулся и впервые в жизни сам попросил послать за доктором.

— Я умираю, — сказал ему Чехов по-немецки.

Чтобы подкрепить больного, доктор велел дать шампанского. Чехов выпил бокал и улыбнулся жене:

— Давно я не пил шампанского...

Через несколько минут его не стало.

Глава VII

ОБВИНИТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Чехов незадолго до смерти сказал:

— Читать меня будут только семь лет, а жить мне осталось и того меньше: шесть.

Он ошибся, и притом вдвойне. Прожил он меньше. Но читают Чехова и теперь, когда прошло более тридцати лет со дня его смерти. Читают и любят все сильнее.

И в смехе, и в печали, и в гневе Чехов был правдив до самого конца. Он готов был поступиться внешней занимательностью своих рассказов, но не их правдой.

— Прежде всего, друзья мои, — говорил Чехов, — не надо лжи... Искусство тем особенно и хорошо, что в нем нельзя лгать...

В правдивости чеховского слова — тайна этого замечательного художника. Ее ранее других разгадали два великих читателя Чехова — Лев Толстой и Максим Горький.

Горький писал о Чехове:

«Страшная сила его таланта именно в том, что никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете».

А Толстой заметил:

«Главное, он был постоянно искренен, а это великое достоинство писателя, а благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые формы писания».

Это было верно: Чехов создал в литературе новые формы. Он описывал природу, людей, города так, как

до Чехова не описывали; утвердил в русской литературе короткий рассказ — «с ладонь величиной»; обогатил театр тонкими оттенками человеческих чувств, которые ускользали от других драматургов. Но все это новое рождалось из той же чеховской правдивости. От нее — удивительная простота языка Чехова, глубина чувства и серьезность, которую он любил смягчать улыбкой. И не за нее ли так высоко ценил Чехова Ленин, который с любовью перечитывал чеховские рассказы в самые тяжелые для революции времена — в 1919 году?

Чехова при жизни часто упрекали в том, что он дробит свое дарование на мелочи, на маленькие рассказы. Может быть, о своих критиках помнил Чехов, когда натолкнулся у французского писателя Альфонса Додэ на такие строки:

«Почему твои песни так кратки? — спросили раз птицу. — Или у тебя нехватает дыхания?»

— У меня очень много песен, и я хотела бы поведать их все».

Строки эти запомнились Чехову, и он переписал их в свою записную книжку. Чехову надо было многое сказать. Он путешествовал через украинскую степь и сибирскую тайгу, жил в уездных городках и деревне, лечил московских газетчиков и мелховских мужиков, переписывался с начинающими писателями и известными учеными, посещал кулисы

театров и психиатрические больницы, разговаривал с купцами и чиновниками, наблюдал студентов и приказчиков... Знания русской жизни у Чехова были огромны, и он хотел «поведать их все».

И все же не успел — смерть оборвала множество чеховских планов. Мыслями о новых рассказах и пьесах жил Чехов до самого конца. В Баденвейлере он мечтал о пьесе, в которой ученый отправляется в Арктику. Ему рисовалась полярная ночь, северное сияние... Но пьеса осталась ненаписанной. Погасли и десятки других замыслов.

Чехов умер, далеко не достигнув старости, — 44 лет. Все же многое было написано, многое высказано.

Чехов любил рыться во всевозможных справочниках. В ялтинском кабинете у него лежали толстые тома — «Весь Петербург», «Вся Москва» и «Вся Россия». «Всей Россией» можно было бы назвать и собрание сочинений Чехова — так полно отразилась в них страна. Но справочники с каждым годом старели и мертвели, а «вся Россия», созданная большим художником, осталась живым памятником эпохи.

«О чем писать? Какие подвиги воспевать? Подвигов нет, их место заступило унылое балансирование. Героев нет, их место заступили люди, у которых трясутся поджилки. Что же остается?.. Очевидно, остается грустить вместе с вами, остается быть летописцем вздохов».

Это писал великий современник Чехова — сатирик Салтыков-Щедрин.

И Чехов был «летописцем вздохов», изобразителем опустошенной и придавленной интеллигенции. Но, изображая ее, Чехов менее всего призывал читателя к умилению и слезам над своими героями.

Современная Чехову буржуазная интеллигенция объявила его своим поэтом, называла «певцом сумерек». Она не хотела заметить того, что Чехов, изображая представителей

интеллигенции — никчемных нытиков, лишних людей, людей вялых чувств и дряблых мыслей, — относился к этим своим героям резко отрицательно. Он называл интеллигенцию «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой». Он писал о том, что не верит в нее «даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».

Лицемерие так называемой либеральной, «свободолюбивой» буржуазной интеллигенции возмущало его. Чехов как-то присутствует на торжественном собрании в московском ресторане «Континенталь». Либералы праздновали годовщину отмены крепостного права. Говорили о свободе, о народе — и пьяными движениями смахивали со стола бутылки с шампанским, грозно отдавая приказания лакеям во фраках. Гневные строки о лжи этих господ занес Чехов в записную книжку.

«Мы устали от рабства и лицемерия», говорил он.

На своих героев Чехов не походил. Чеховские герои бездеятельны — Чехов всю жизнь работал с огромным напряжением. Чеховские герои не способны к практическому делу — Чехов устраивал больницы, школы, библиотеки и музеи, оказывал помощь голодающим и ссыльным, серьезно занимался наукой, изучая не только медицину, но и естественные науки, географию, статистику и т. д. Чеховские герои живут серо и нудно, с необычайной легкостью совмещая водянистые мечты о лучшем будущем с неряшливым, грязным, а часто и просто подлым существованием, — Чехов же прожил жизнь разнообразно, ярко и интересно.

«Жизнь кажется великой, громадной, а сидишь на пяточке». Эта отметка в записной книжке Чехова относится к чеховским героям, но не к самому Чехову. Пока чеховские герои сидели за чаем и вздыхали, Чехов совершил кругосветное путешествие, самоотверженно рабо-

тал на Сахалине, участвовал во множестве общественных дел — и лишь изредка сетовал на то, что неизлечимая болезнь, чахотка, не позволяет ему жить жизнью еще более кипучей и содержательной.

«Видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую, грошовую сволочь, которую я изображаю, совсем невкусно».

Так отзывался Чехов о своих персонажах. Не певцом их, а разоблачителем был Чехов.

Российский обыватель нашел в Чехове непримиримого врага.

«Чтобы хорошо жить, по-человечески, — говорил он, — надо же работать. Работать с любовью, с верой. А у нас не умеют этого. Архитектор, выстроив два-три приличных дома, садится играть в карты, играет всю жизнь... Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой... Я не встречал ни одного чиновника, который хоть немножко понимал значение своей работы: обыкновенно он сидит в столице или губернском городе, сочиняет бумаги и посылает их в Змиев и Сморгонь для исполнения. А кого эти бумаги лишат свободы движения в Змиеве и Сморгони — об этом чиновник думает так же мало, как атеист о мучениях ада».

«Никто до него не умел, — писал о Чехове Максим Горький, — так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины. Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером».

Замечательные чеховские слова записал А. Тихонов:

«Вот вы говорите, что плакали на моих пьесах. Да не вы одни. А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев¹ сделал такими

плаксивыми. Я хотел другое. Я хотел только честно и откровенно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы плохо и скучно живете. Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь. Я ее не увижу, но я знаю, она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть. А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: поймите же, как вы плохо и скучно живете. Над чем же тут плакать?»

Это говорил Чехов в конце жизни. Умиравший писатель глубоко проникся мыслью о необходимости «создать другую, лучшую жизнь». То было не случайное высказывание в разговоре со случайным собеседником. В предсмертном рассказе «Невеста», последнем своем произведении, Чехов писал, что «главное — перевернуть жизнь, а остальное все неважно».

Перевернуть жизнь — но как? Этого Чехов не знал и на этот вопрос ответа не дал.

Чехов пришел в литературу в ту пору, когда вера в революционные идеи, которой жили литераторы-разночинцы предыдущих десятилетий, выветрилась. Молодой Чехов открыто признавался, что у него нет никаких общественных идеалов.

«Я хотел бы быть только свободным художником», заявлял он.

И Чехов начинает сотрудничать в монархической газете «Новое время», неоднократно подчеркивая, что ему одинаково чужда всякая партийность, а поэтому и все равно, где печатать свои произведения.

Работа в «Новом времени» не прошла для молодого Чехова бесследно. Он хотел оставаться и здесь, в «арестантских ротах», как впоследствии называл эту газету сам Чехов-«свободным художником», независимым от политической борьбы писателем. Но это ему не удалось. Нововременской отравой пропитывались общественные взгляды молодого пи-

¹ Алексеев — настоящая фамилия режиссера К. С. Станиславского, ставившего пьесы Чехова в московском Художественном театре.

сателя. Прошло целое десятилетие, пока Чехову удалось освободиться от влияния «Нового времени», выдать из себя, по собственному выражению, последние капли рабской крови.

В этой борьбе с рабской кровью Чехову помогала присущая ему величайшая честность подлинного художника. Чем глубже вникал Чехов в русскую действительность, тем дальше отходил он от прежнего безразличия к общественным вопросам и политической борьбе. Писатель видел страдания народных масс в подавленной самодержавием стране, которую с презрением называл «казенной».

Об этой казенной стране Чехов писал сурово, а в последние годы и беспощадно. Писал о том, что крестьяне «живут хуже скотов». О том, что рабочие «работают без отдыха... живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара». О том, что в городе — «ни одного честного человека, ни одного!» О том, что те, кто называют себя интеллигентами, «с мужиками обращаются как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, а о науках только говорят».

С резкой прямоотой указывал Чехов, что «все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только по форме». И он разоблачал тех, кто более всего эту форму охранял, — царскую бюрократию. В одном из самых своих значительных рассказов — «Человек в футляре» — Чехов не только описал, как под влиянием человека в футляре «в городе стали бояться всего», но и воскликнул: «Сносить обиды, унижения, не смея открыто заявлять, что ты на стороне честных, свободных людей... и все это из-за какого-нибудь чинишки, которому грош цена, — нет, больше жить так невозможно!»

В молодости Чехов утверждал, что «революции в России никогда не будет». Позже писатель стал сви-

детелем нарастающей революционной волны. Уверенность его в том, что «революции никогда не будет», оказалась поколебленной. Но пути революции и ее силы оставались для Чехова смутными. Он знал, что не его героям, не доктору Старцеву («Ионыч») или Вере Кардиной («В родном углу») принадлежит будущее, не они «перевернут жизнь». С прозорливостью большого художника предвидел он, что они перед лицом революционных событий окажутся в лагере врагов народа. Вот что занес однажды Чехов в записную книжку:

«Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев... И прежде чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой».

Чехов в этом не ошибся. История Октябрьской революции полностью подтвердила его пророчество. Революции пришлось бороться с белогвардейщиной, саботажем, вредительством.

В 90-е годы, когда Россия переживала промышленный подъем, Чехов склонен был возлагать надежды на капитализм, на то, что промышленная буржуазия, придя на смену дворянству и помещикам, насадит в России культуру, превратит азиатскую, бесправную родину в просвещенную европейскую страну. Но в то же время он видел и изнанку капитализма. В повести «Моя жизнь» Чехов писал:

«Крепостного права нет, но зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как и во времена Батые, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым, незащищенным».

Тот единственный общественный класс, который мог сделать так, чтобы, по выражению Чехова, «сильные не поработали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасы-

вающим из него хронически лучшие соки», — этот класс был пролетариат. Но Чехов был далек от него — и в силы его не верил. Революционеры остались для Чехова лишними людьми, отщепенцами. Даже в последних своих произведениях, проникнутых предчувствием великих общественных перемен, Чехов выводит революционеров чужаками, вызывающими к себе сочувствие, но еще больше — жалостливую улыбку. Это — Петя Трофимов, вечный студент, «облезлый барин» из пьесы «Вишневый сад» и умирающий от чахотки типограф Саша из рассказа «Невеста».

В начале 90-х годов Чехов писал: «Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пленяют нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем существом, что у них есть какая-то цель».

И Чехов искал эту цель, искал честно, неустанно, тревожно.

Ранняя смерть оборвала эти поиски.

Цель осталась найденной.

Но значит ли это, что Чехов не принадлежит к числу тех писателей, которых он сам назвал вечными?

Чехов не нашел своего общественного идеала. Но он велик своей глубиной и искренней тоской по этому идеалу. Она придает его слову, простому и мягкому чеховскому слову, каждому его рассказу серьезность и значительность подлинного произведения искусства.

«Читая рассказы Антона Чехова, — писал в своих воспоминаниях М. Горький, — чувствуешь себя точно в грустный день поздней осени, когда воздух так прозрачен и в нем резко очерчены голые деревья, тесные дома, серенькие люди... Ум автора, как осеннее солнце, с жестокой ясностью освещает избитые дороги, кривые улицы, тесные и грязные дома, в которых задыхаются от скуки и лени маленькие жалкие люди, наполняя дома свои неосмысленной, полусонной суетой...

Мимо этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал:

— Скверно вы живете, господа!»

В этом упреке, глубоком и искреннем, — революционное значение Чехова.

В рассказе «Крыжовник» Чехов писал:

«Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные».

Чехов не замечал, что люди эти с молоточком выходят из революционного подполья. Выходят не для того, чтобы напоминать царскому режиму и буржуазии о том, что есть несчастные, а для того, чтобы этих несчастных организовать в армию революции.

Революция пришла — и перевернула жизнь.

Осуществилось то, о чем говорил один из персонажей чеховской пьесы «Три сестры»:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку... Через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Россия, которую описывал Чехов, отошла в историю. Между чеховскими героями и людьми нашей страны легла пропасть. Но сам Чехов, его рассказы остались. Ибо в каждой их строке заключена правда о стране, отдаленной от нас революцией. И эта правда призывает к борьбе за то, чтобы прошлое никогда более не вернулось.

А. И. РОСКИН